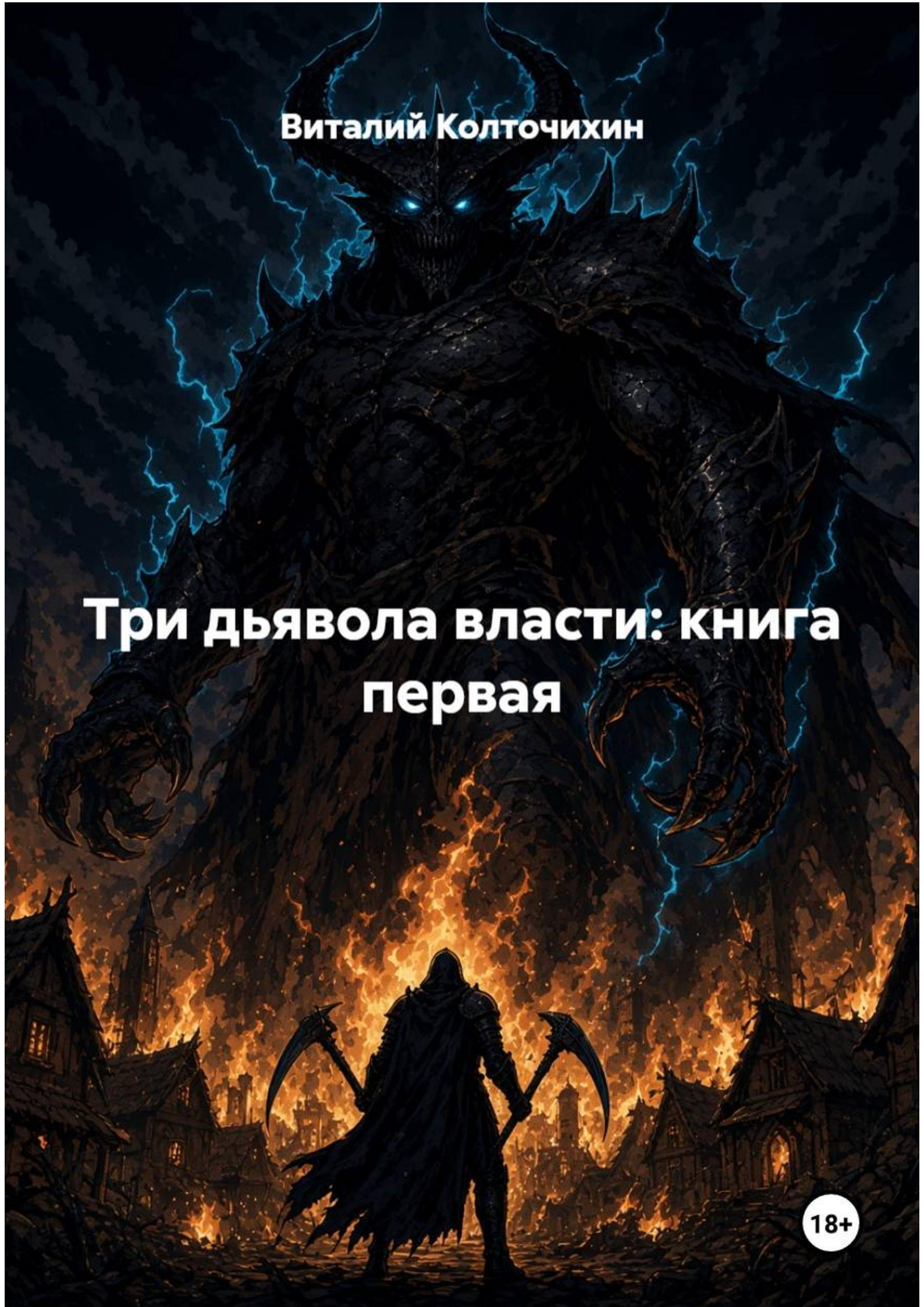

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. At the top, a massive, dark, horned demon with glowing blue eyes and lightning bolts around its head looms over a burning city. In the foreground, a figure in a dark, hooded cloak with a cape stands with their back to the viewer, holding two scythes. The city below is engulfed in flames, with smoke rising into the air.

Виталий Колточихин

**Три дьявола власти: книга
первая**

18+

Три дьявола власти

Виталий Колточихин

Три дьявола власти: книга первая

«Автор»

2024

Колточихин В.

Три дьявола власти: книга первая / В. Колточихин — «Автор», 2024 — (Три дьявола власти)

Мир уже дважды выживал в войнах с демонами. Порталы открываются сами. Святая сталь тупится. А люди всё ещё верят, что патрули Ордена их спасут. Чёрный жнец Фелдар привык убивать тварей, а не торговаться с ними. Пока Алая жница Лана не умирает у него на руках — и единственный, кто может её вернуть, предлагает сделку на крови. Цена не душа. Её жизнь теперь зависит от того, выполнит ли он просьбу демона. Вампиры режут живых охотников за ужином. Принц Тьмы топчет деревни. Глава разведки Ада двигает корону, владык и жнецов к войне, которую не хочет никто. Фелдар думал, что враг — клыки и когти. Теперь, чтобы она жила, ему придётся сделать то, о чём демон ещё даже не сказал.

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Пришествие	9
Глава 2: Человечность	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Три дьявола власти: книга первая

Пролог

«Люди не ведают, в каком наполненном тайнами и загадками мире они живут. Но разгадать их им не под силу, ведь ведомы они не созерцанием и созиданием, а лишь бесконечными войнами, мотивированными жаждой денег и власти».

— Адраксис

По официальным летописям Единого государства, демоническая угроза впервые явилась в мир людей в 1230 году — вместе с появлением таинственных порталов, разорвавших ткань реальности подобно гноящимся ранам на теле земли. В первые недели никто не понимал ни природы врага, ни способа сражаться с ним. Регулярные армии, привыкшие к войнам между людьми, оказались бессильны: сталь тупилась о демонскую кожу, страх ломал строй быстрее, чем вражеские когти, а паника расплзалась по континенту быстрее огня.

Первые два месяца вторжения вошли в историю как Время Геноцида. Города и поселения вымирали целыми кварталами, дороги наполнялись беженцами, бредущими в никуда, а вести о

ночных резнях и багровых небесах приходили слишком поздно, чтобы успеть помочь. Демоны охотились не за властью и не за землями — они охотились за людьми. Запах серы и гари стал постоянным фоном жизни, а ночь перестала быть временем отдыха.

Когда стало ясно, что привычные способы войны не работают, к защите мира подключились маги — редкий, замкнутый орден учёных, чьи знания веками считались легендой. Их заклинания и артефакты позволили выиграть время там, где копья и мечи не давали даже шанса. Но цена оказалась чудовищной: к концу Первой войны маги почти исчезли. Большинство погибло в бою. Их башни опустели, книги сгорели, и они остались в памяти народов лишь как павшие герои, отдавшие жизнь ради спасения других.

Именно в эту тёмную пору на полях сражений впервые появился тот, кого позже назовут Первым жнецом. Летописи утверждают, что это был один воин, облачённый в непробиваемые доспехи неизвестной работы и вооружённый клинком, способным поражать демонов там, где обычная сталь бессильна. Никто не знал, откуда он пришёл. Никто не видел его лица под шлемом. Но он мог изменить исход битвы, удержать рубеж, спасти поселение, дать людям то, чего им не хватало больше всего — надежду.

Солдаты говорили, что рядом с ним страх становился тише. Не исчезал — нет, страх не исчезал никогда, — но переставал командовать руками. Люди снова поднимали щиты, снова сжимали копья и впервые за долгие недели верили, что рассвет может наступить.

За Первым жнецом потянулись добровольцы, затем — целые отряды. Так зародились первые охотники на демонов.

Столкнувшись с угрозой, превосходящей всё, что знала история, разрозненные державы вынужденно прекратили междоусобицы. Под ударами общего врага они объединились, избрали единого короля и заложили основы государства, которое существует и ныне. В те годы Первому жнецу, известному как Габриель, было предложено возглавить новую структуру — Орден Священной Защиты: организацию, призванную не только сражаться, но и учиться убивать демонов, чтобы однажды люди перестали гибнуть в неведении.

Орден объединил в себе охотников, учёных и алхимиков. Первые учились отслеживать и уничтожать демонов, вторые — систематизировали наблюдения и слабости врага, третьи — обеспечивали войска средствами борьбы, которые можно было воспроизвести в любом городе. При Ордене был создан и элитный корпус — Жнецы, двенадцать лучших охотников, чьи имена и цвета доспехов стали символом защитников государства.

Первая война длилась два года и завершилась в 1232-м: демоны отступили, а порталы, через которые они пришли, были закрыты или исчезли, словно их никогда и не было. Мир выжил — но заплатил за это кровью и памятью.

За последующие годы Единое государство восстанавливалось: отстраивались стены и дороги, заселялись опустевшие земли, рождалось поколение, не видевшее первых месяцев ужаса. Орден патрулировал города и поселения, поддерживал снабжение охотников и собирал сведения о любых признаках демонической активности.

Габриель ушёл из жизни, и народ оплакивал его как героя человечества. После его смерти Орден возглавил Серый жнец Леонард, один из самых опытных и мудрых охотников.

Но демоны не исчезли навсегда.

В 1250-м году началась Вторая война. Порталы вновь открылись, и на этот раз враг выглядел иначе: демоны действовали более организованно, словно перенимая человеческую тактику и строя свои войска по законам войны. Сражения длились ещё два года и вновь унесли бесчисленные жизни.

После Второй войны мир так и не вернулся к прежней уверенности. Порталы стали явлением непредсказуемым: они могли появиться и исчезнуть в любую пору и в любом месте. Демоны больше не шли единым потоком, как в первые годы, но отдельные отряды и одиночные твари продолжали просачиваться в земли людей — нападать, скрываться, изучать. Говорили,

что некоторые из них способны носить человеческое лицо, и потому подозрение стало ещё одним оружием войны.

С тех пор Ордену была поставлена неизменная задача: выискивать и истреблять демонов во время патрулей, не допуская, чтобы невидимый враг укреплялся в сердце государства. Люди готовились к новой войне, которая могла начаться в любой момент, — ведь никто не знал, где откроется следующий портал.

Глава 1: Пришествие

1265-й год.

В окрестностях Антайла ночь обычно спускалась за холмы, как привычное покрывало. Но сегодня она не спустилась — она обрушилась. Тяжёлая, влажная, непроглядная. Не тьма, а отсутствие света, выжатое из неба до последней капли. Звёзды выцвели, превратившись в бледные, болезненные точки, будто кто-то выскоблил их грязными ногтями. Даже собаки не лаяли. Они забились под крыльца, скулили тихо, сдавленно, боясь привлечь внимание. Куры замолчали в сараях. Лошади били копытами о доски, нервно, прерывисто. Вода в колодце стала чернее, гуще, будто в неё добавили туши.

У храма Лика Судьбы стоял охотник. Неподвижный, как каменный истукан. Он смотрел на улицу, где жизнь ещё теплилась: кто-то тащил ведро, вода плескалась на камни; двое спорили у ворот, жестикулируя; дети носились, смеясь, толкаясь. Их смех звучал неестественно громко в этой вязкой тишине.

— Рано стемнело, — пробормотал старик, кутаясь в тряпье. — А народ ещё и по домам не разошёлся.

Охотник лениво повернул голову. Блеснула сталь нагрудника.

— И что?

Доспехи на нём были кожаные, пропитанные маслом и потом, с кольчужными вставками на ключицах и бёдрах. На поясе — меч из святой стали, рукоять стёрта до гладкости от тысяч хваток. На правом плече — нашивка Ордена: двенадцать чёрных силуэтов на белом. Он стоял так, как стоят люди, которым платят за то, чтобы они стояли между «если» и «когда». За годы службы он привык к тревогам, оказывавшимся лисами в курятнике или пьяными драками. Настоящий демон приходил редко. Слишком редко, чтобы страх оставался острым каждый день.

Старик поёжился, втягивая голову в плечи. Глаза бегали по темнеющим окнам.

— Есть примета. Говорят, очень тёмная ночь предвещает появление демонов тьмы. У воздуха странный вкус. Металлический.

— Иди-ка спать, дед, — отрезал охотник. — Появятся — сам разберусь. За это мне и платят.

— Разберись, — буркнул старик, не отводя взгляда. — А то платим, чтобы ты целый день в столб глядел. Пока мы горбатимся.

Охотник уже шагнул к нему, набирая воздух для ответа... и замер.

Сначала воздух дрогнул. Не гром. Не ветер. Волна давления, прошедшая сквозь одежду, сквозь кожу, заставив волосы встать дыбом. Потом тьма на мгновение посветлела — и ослепла.

Синяя вспышка разорвала небо над площадью так, будто в землю ударила молния из иного мира. Свет был ледяным, нечеловеческим. Пахло озоном и жжёной шерстью. От него захотелось зажмуриться и закричать одновременно. На долю секунды дома, лица, храмовые стены и пылинки в воздухе проступили резкими, неоновыми тенями — а потом всё снова провалилось в чёрное, ещё гуще, ещё плотнее.

И в этом чёрном стоял Он.

Огромный. Выше крыши храма. Шире любого амбара. Каркас — как у кошмара, который рассказывают детям, чтобы те не выходили ночью. Двухэтажный дом, поставленный на кривые, мощные ноги. Чёрный, как бездна между звёздами. Спина — в шипах, будто сама земля вытолкнула каменные осколки, чтобы пробить его шкуру. Когти отражали лунный свет так, словно были влажными от крови, хотя дождя не было.

Старик шевелил губами, но звук не выходил. Охотник смотрел вверх. Рот открыт, но воздух не хотел входить в грудь, став вязким, как смола.

— К... К... Кроатон... — выдавил он. Имя прозвучало не как слово. Как приговор, подписанный самой смертью.

Первый шаг демона стал ударом по миру. Земля вздрогнула, как живое тело под молотом. Доски заскрипели, глина посыпалась с крыш мелким дождём. Второй шаг — и у ближайшей хижины разлетелась кровля: брёвна и солома взлетели, как сухие листья перед ураганом. Люди, ещё секунду назад смеявшиеся, закричали так, будто у них одновременно вырвали душу.

Никакая защита не могла спасти их. Не было стен, которые выдержали бы такую силу. Не было рук, которые смогли бы удержать судьбу.

Охотник сорвал с пояса изумрудный камень. Пальцы дрожали, предавая его. Он зажмурился, прошептал слова активации — и камень вспыхнул изнутри зелёным огнём. В нём зашевелился голос, ровный и чужой на фоне умирающей деревни.

— Что произошло? Докладывайте.

— Кроатон! — сорвался охотник на крик, слюна брызнула на камень. — Здесь Кроатон! Пришлите жнецов! Он всех нас убьёт! Он...

Демон развернул плечи, будто расправлял крылья, которых у него не было. Одним движением зачерпнул воздух — и деревня рассыпалась в хаос. Он хватал людей, как берут с земли мокрую солому, и ломал без усилия. Топтал, словно они были камешками. Крики взлетали и тут же обрывались — коротко, глухо, как если бы кто-то захлопывал тяжёлую дубовую дверь.

Он поднял мужчину за талию одной рукой, как мешок с мукой. Тот на секунду завис в воздухе. Успел только открыть рот, чтобы вдохнуть — и Кроатон сомкнул когти. Раздался влажный хруст, слишком ясный, чтобы перепутать с треском дерева. Ребра. Тело обмякло, но демон не бросил его сразу: рывком подтянул добычу к лицу и откусил, не торопясь, будто проверяя вкус. Из горла жертвы вырвался звук, похожий на попытку вдохнуть через воду, и погас.

Когти вошли глубже. Человек распался не сразу, а рывками, будто плоть пыталась удержаться за кости. Тёмное, мокрое, чужое брызнуло на землю, зашипев на камнях. Отдельно сорвалась рука, упала в грязь у колодца. Пальцы ещё секунду судорожно сжались, будто искали опору. Рядом на доски крыльца шлёпнулся обрывок ткани с тем, что уже нельзя было назвать человеком.

С треском ломались деревья. Стволы гнулись и рвались, как сухие прутья. Воздух наполнился запахом земли, крови и выпотрошенных внутренностей.

И тогда Кроатон закричал. Это был не звук. Это был приказ. Он прокатился по холмам, по крышам, по костям. От него дрожали внутренности. На секунду стало ясно: этот мир не принадлежит людям, если кто-то способен кричать так.

Из тьмы, будто из разорванной ткани реальности, начали выходить другие. Низкие, шершавые, чёрные. Сползали с холмов, перепрыгивали через заборы, их глаза сверкали так, словно в них не было жизни — только голод. Двигались быстро, слаженно, как стая волков, загнавшая овец.

— Он призвал Кошмаров! — заорал охотник в камень. — Помогите нам!

— Скоро придут ближайшие к вам жнецы, — ответил голос, безэмоциональный и спокойный. Камень потух, оставив охотника в тишине.

Кошмары врезались в людей. Не дрались — охотились. Врывались в дома, выволакивали тех, кто прятался, разрывали тех, кто заслонял детей. К деревне прилип звук: визг, хрип, молитвы, обрывающиеся на первом слоге.

Один вцепился в старика у храма. Чёрные шипы скользнули по лохмотьям, будто по бумаге. Старик упал на колени, пытаясь оттолкнуть морду с клыками, но пальцы соскальзывали по мокрой шероховатой коже. Кошмар дёрнул головой — и вырвался крик, в котором не осталось слов. Он завыл, захлебнулся, когда клыки вдавились глубже, найдя артерию. Руки судорожно цеплялись за воздух, будто пытаясь ухватиться за саму жизнь. Потом одна рука

исчезла, вырванная из плеча вместе с костью. Старик дёрнулся, ноги подогнулись, осел на бок. На белых ступенях храма остались тёмные мазки — следы ладони, которой он пытался удержаться за камень, пока у него ещё было чем держаться.

Охотник выхватил меч. Разбил о лезвие склянку со святой водой — жидкость шипнула, поднимая пар. Посыпал святой пылью. Металл вспыхнул дневным светом, режущим и чистым, как нож хирурга. На мгновение стало видно всё: кровавые следы, распахнутые двери, лица, искривлённые так, будто в них больше никогда не вернётся спокойствие.

Кошмары завизжали и попятились от света. Охотник рубанул. Один, второй удар. Несколько тварей рухнули, царапая землю когтями. Головы слетали, тела дёргались ещё секунду, будто пытаясь понять. Чёрная кровь шипела на святой стали.

Он бросался туда, где слышал крик. Срубал пасть, впившуюся в ногу девушке, оставляя её на земле, живой лишь потому, что смерть выбрала другого. Из темноты выскочили ещё двое, но свет отбрасывал их, как плеть. Он догонял, рубил снова.

И всё равно это было ничто. Капля воды в огне.

Земля под ногами ходила ходуном. От каждого шага Кроатона в груди что-то проваливалось. Страх поднимался внутри, тяжёлый и вязкий, как смола. Он дрожал, и меч дрожал вместе с ним. Слишком много крови. Слишком много звуков, которые человек не должен слышать.

Он выхватил склянку с чёрным зельем и выпил залпом. Горло обожгло, словно проглотил уголь. На мгновение в груди вспыхнуло что-то светлое, как крошечная свеча в каменном мешке. Ноги стали чуть послушнее. Руки — чуть крепче. Но мир вокруг от этого не стал добрее.

Кроатон хватал людей и жрал заживо. Не из голода. Как ломают игрушку: медленно, равнодушно, проверяя, сколько раз можно согнуть, прежде чем треснет. Мужчины пытались отбиваться вилами и топорами, но их оружие было смешно, как детские погремушки. Каждый, кто решался бросить вызов, исчезал в клыках и шипах, оставляя только мокрый след.

Охотник видел, как одного подняли живым. Тот бил ногами по воздуху, пытался вырваться, а потом, заметив свет клинка, вытянул руку в сторону охотника — медленно, как во сне, с надеждой, которая была невыносимее страха. Кроатон перехватил его за голову и сжал. Надежда оборвалась вместе со звуком ломающихся костей.

Охотник понял: он не спасёт деревню. Он может лишь умереть так, чтобы хоть на секунду задержать смерть. Дать кому-то шанс добежать до леса, до поля, до любой тьмы, в которой можно спрятаться от тьмы настоящей.

Он прижал меч к груди, шепнул молитву Лику Судьбы и пошёл вперёд. Через тела, через кровь, через рухнувшие стены. Кошмары кидались — и падали, разрезанные светом. Он шёл дальше.

И вот он оказался один на один с Принцем тьмы. Кроатон обернулся на свет меча, и на мгновение показалось, что сама ночь смотрит на человека глазами без зрачков. Демон шагнул навстречу, и земля под его ногами снова простонала.

Охотник разогнался и пронёсся под чудовищем, ударив по ноге, вложив в удар всё, что осталось: ярость, страх, отчаяние, веру в то, что Орден не зря существует. Лезвие встретилось с плотью — и не вошло. Меч разлетелся вдребезги, словно был сделан из стекла. Свет погас. В руке осталась рукоять и обломок, смешной, бесполезный. Охотник не успел даже вдохнуть.

Из тьмы выскочили три Кошмара. Они повалили его, и он почувствовал, как клыки входят в плоть. Как рвут. Как ломают. Пытался закричать, но воздух кончился. В короткой вспышке сознания увидел только белый круг света, которого больше не было, и чёрные пасти, надвигающиеся со всех сторон. Пытался поднять рукоять, будто ею ещё можно было защититься. Кошмар сомкнул зубы на предплечье, и мир сузился до одного ощущения: как что-то живое в нём разрывается и исчезает.

Вместе с ним умерла последняя возможность для Антайла.

Крики стихали один за другим. Сначала громкие, потом редкие, потом совсем исчезающие. Ночь поглощала их, как бездна глотает свет. Когда всё закончилось, осталось только эхо страха, липкое, как кровь на ладонях.

Там, где ещё недавно была улица, теперь были только обломки и мокрая земля. В лужах, в которые стекала кровь, лежали чужие вещи и части тел — так, как их оставляют после бойни, когда никто уже не знает, что откуда.

Синяя вспышка снова разорвала темноту. Кроатон исчез так же мгновенно, как и появился. На месте, где минуту назад была деревня, остались руины, мокрая земля и тишина, в которой даже ветер казался лишним.

Из bestiария Ордена Священной Защиты

Демоны Тьмы

Жестокие демоны с острыми клыками, способные разорвать жертву в клочья. Обладают бронированной шкурой, которую сложно пробить обычным оружием. Становятся значительно сильнее в ночное время, когда их истинная сила достигает пика.

Предводитель: Кроатон, известный также как Принц Тьмы. Способен погружать в ночь огромные территории. Гигантский монстр, чья поступь трясёт землю. Людям до сих пор неизвестны его слабые места и способ его убийства.

Демоны тьмы третьего ранга (Тени / Теневые демоны): Выглядят как чёрные облака с человеческими очертаниями и синими светящимися глазами. Физической угрозы не представляют, но способны создавать иллюзии в ночи и вселяться в разум, внушая ужас и галлюцинации.

Демоны тьмы второго ранга (Кошмары): Передвигаются на четырёх лапах. Обладают бронированной шкурой и острыми клыками. Внешне напоминают огромных волков с шипами на спине. Основная ударная сила демонических орд.

Демоны тьмы первого ранга (Сумраки): Огромные демоны высотой в два-три человеческих роста. Обладают массивной шипованной спиной и огромными руками с когтями. Способны создавать искусственную ночь на небольшом участке местности, значительно усиливая находящихся там Кошмаров и Теневых демонов.

Алый и чёрный

Утреннее солнце едва пробивалось сквозь свинцовые тучи, словно не желало освещать то, что случилось в этой долине. По узкой лесной тропинке неторопливо двигался всадник, окутанный чёрным плащом. Ветви цеплялись за капюшон, ломаясь с сухим, неприятным хрустом — они были неестественно иссушены для этого времени года, будто кто-то тихо и жадно выпил из леса соки, оставив лишь ломкую серую плоть коры. Воздух стоял тяжёлым, лишённым влажности. Пахло не лесом, а старой пылью и чем-то острым, металлическим. Птицы не пели. Утро давно началось, но тишина была густой, давящей. И через несколько метров он увидел их — мёртвых ворон, разбросанных по земле, словно их сбросили с высоты одним жестоким ударом невидимой руки. Перья торчали под странными углами, глаза застыли стеклянными кружками.

Он остановил лошадь. Копыта тихо вмялись в сухую землю. Спустился на землю, движения экономные, привычные. Снял плащ, отряхнул с рукава пепел и положил ткань на седло. Под чёрным металлом кольчуги и латных вставок на плечах, предплечьях, бёдрах и голених скрывалось молодое тело — лицо без седины, густые чёрные волосы и зелёные глаза, в которых жёсткость ещё не до конца вытеснила юношескую нетерпеливость. За спиной висели две одноручные косы из святой стали. Изогнутые лезвия тускло блестели, впитывая тусклый свет.

Такие доспехи и оружие носили только жнецы Ордена Священной Защиты. Двенадцать на всё государство. Каждый учился годами одному: умирать не случайно, убивать не наугад. Сохранилась традиция времён основания Ордена: каждый жнец носит доспехи определённого цвета. Когда один погибает или уходит на покой, его место занимает новый — самый достойный из охотников.

Жнец опустил на колено. Пальцы в перчатках коснулись перьев вороны. Холодные. Лёгкие, будто полые. Никаких следов серы, когтей, зубов. Никакой борьбы. Они просто упали — будто мир на мгновение забыл, как птицам летать. Предыдущий Чёрный жнец, Лютер Вингельхейм, рассказывал, что во времена первого вторжения подобное случалось при пришествиях Кроатона. Тогда ночь опускалась на землю плотным мраком, и люди теряли ориентацию, рассудок, надежду. Но этого не могло быть... Кроатона не видели около пятнадцати лет. Фелдар сжал челюсти. Воздух стал ещё тяжелее.

— Фелдар, — раздался знакомый голос из-за спины. Жнец неторопливо повернул голову.

— Лана? — уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. — Как давно я тебя не видел.

Он поднялся и молча осмотрел её. Красивая девушка в алых доспехах сидела верхом на гнедом коне. Голубые глаза были чем-то омрачены, хотя она упрямо держала спину прямо, будто всё под контролем. Несмотря на спешку и запах гари в воздухе, она всё же нашла время сделать аккуратный макияж — такой, с которым можно было бы прийти на королевский бал, если бы мир не был полон демонов. Это была её броня, такая же прочная, как сталь на груди.

Фелдар заметил и другое.

— Ты покрасила волосы в алый цвет? — произнёс он, и в голосе прозвучало искреннее одобрение. — Это тебе очень к лицу. И к доспеху...

— Оставим любезности на потом, — отрезала она, но в голосе не было злости. — Нам нужно срочно ехать в Антайл.

— Да, — ответил Фелдар, снова становясь серьёзным. — Меня тоже вызвали. По маршрутной карте сегодня мой патруль в Антайле. Если бы демоны тьмы напали не вчера, а сегодня, всё могло бы закончиться иначе.

— Мы не можем спасти всех, — сказала Лана, и её взгляд стал стеклянным. — Не забывай об этом.

Фелдар накинул плащ, сел в седло. Копыта сорвались в галоп. Ледяной ветер бил в лицо, срывая сомнения, но они оставались, тяжёлые, как свинец в желудке. Местность вокруг пугала и пропахла смертью так, словно владыка Ада лично прошёлся здесь ночью и оставил после себя холодный, липкий след.

Как давно он не видел Лану. Они вместе проходили боевую подготовку в Ордене — ещё юными рекрутами, упрямыми, голодными до жизни. Лана всегда показывала отличные результаты, и после выпуска её сразу забрала к себе в отряд Алая жница Ева, прозванная безумной. Прозвище было вполне оправданным: её поступки казались другим крайне рискованными и необдуманными. Но Ева была, вероятно, лучшей фехтовальщицей Единого государства — безупречно владела парными клинками и дралась так, будто сама война была её стихией. Ева не патрулировала города и поселения Единого государства, как делали все жнецы по уставу. Вместо этого она с небольшим отрядом охотников совершала нападения на лордов и генералов Ада — и делала это успешно. Они убили множество демонов высокого ранга. Ордену такая самодеятельность, мягко говоря, не нравилась.

Скоро начали виднеться деревянные дома. Но уже издалека было видно: на улице нет ни одного человека. Тишина давила на уши, звенела в барабанных перепонках. Фелдар почувствовал, как сердце забилось чаще, отбивая глухой, неровный ритм. Антайл — место, где он родился. Но особой привязанности к деревне у него не было: в раннем детстве Орден забрал его на обучение. В те годы из-за войн с демонами многие дети оставались без родителей. Тогда правительство Единого государства решило отдавать сирот в Орден Священной Защиты. Это

решало сразу множество проблем: ряды охотников пополнялись бесперебойно, дети, оказавшиеся никому не нужны, получали кров и еду. Но главное — у них была мотивация. Почти каждый мечтал не о славе, а о мести.

И всё же тело помнило раньше, чем разум: запах влажного дерева после дождя, кривой поворот у старой кузницы, низкий забор у дома, которого он уже не мог назвать своим. Он давно решил, что Антайл ничего для него не значит. Теперь эта уверенность казалась слишком удобной ложью.

Жнецы спешили, как только приблизились к деревне. Сапоги вмялись в пепел. Увиденное повергло в ужас даже таких бывалых охотников, как Фелдар и Лана. Это было сложно назвать деревней: от живых здесь не осталось и следа. Дома разрушены, словно гигантский ребёнок играл в кубики и случайно смахнул их со стола. Повсюду — разорванные и раздавленные тела. Земля и трава обгарены высохшей кровью, и от этого цвета хотелось отвести взгляд, но взгляд не отводился. Запах стоял сладковатый, тяжёлый, смешанный с гарью и чем-то медным, отчего першило в горле.

— Когда мне сообщили про Кроатона, я не поверил, — прервал гробовую тишину Фелдар.

— И я, — побледнев от ужаса, ответила Лана. — Не поверила...

Они шли, стараясь обходить остатки тел, но это было почти невозможно. На земле были заметны огромные трёхпалые следы — такие глубокие, будто их вдавили в почву молотом. Лане было жутко. Кровь повсюду напоминала ей о том, что она пережила раньше. В голове вспыхивали обрывки: тронный зал, клетка, вампиры. И много, много крови — так много, что иногда казалось: она уже никогда не вымоется из памяти, станет частью кожи. Она судорожно сжала рукоять клинка, костяшки побелели, чтобы почувствовать реальность.

— Не знала, что ты стал Чёрным жнецом, — начала Лана, отводя взгляд от развалин. — Узнала только ночью, когда вызвали сюда.

— Тебя это удивило?

— Нисколько. Ты всегда был лучшим.

— А твоё назначение Алым жнецом меня удивило... — Фелдар кинул на неё короткий взгляд. — Я думал, тебя посадят или казнят за измену из-за отряда Евы.

Лана промолчала, её пальцы побелели на рукояти.

— Значит, никто не выжил, — сменил тему Чёрный жнец. — Действительно, почерк Кроатона.

— Кузнец выжил, — возразила Лана. — Мне доложили об этом по магической связи.

— Не может быть, — удивился Фелдар. — Как ему удалось?

— Не знаю, — ответила жница. — Говорит, побежал, как только увидел Кроатона. Кошмарам не удалось его настичь.

— Повезло.

— Это как посмотреть, — поспорила Лана, и в голосе её прозвучала горечь. — Его жена и дочь погибли здесь.

— Убежал, бросив семью, — вздохнул Фелдар. — Настоящий мужчина...

Жнецы остановились. На их пути возник небольшой деревянный храм Лика Судьбы, который, на удивление, остался нетронутым. Над входом висела картина с изображением огромного дерева, корни которого уходили глубоко под землю и переплетались между собой. Так люди представляли судьбу — где корни символизируют линии жизни всех живых существ, соединяясь в одно древо мироздания и подпитывая его.

— Я зайду, ты осматривай улицу, — сказала Алая жница.

— Давай, — ответил жнец.

Лана своей лёгкой, плавной походкой направилась к деревянной двери. Зайдя внутрь, она наконец смогла сбросить маску спокойствия. Плечи слегка дрогнули. Она всегда старалась

не показывать эмоций, чтобы не казаться слабой, но была рада увидеть Фелдара спустя столько лет. Они провели детство и подростковые годы вместе, обучаясь искусству охоты на демонов. Лана всегда была необычайно красивой, и почти все юноши в Ордене пытались завоевать её сердце. Ей нравилось это внимание, и она умела им наслаждаться. Однако Фелдар никогда не проявлял к ней интереса такого рода. И нет, она не была влюблена в него и не хотела романа. Её просто немного бесило, что на свете существует мужчина, который по ней не страдает.

Но много воды утекло с тех пор. Лана пережила настоящий ад в отряде своей предшественницы Евы — и этот опыт сделал её сильной и искусной охотницей. И сломанной внутри.

Фелдар тем временем бродил по пустым улицам Антайла, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь зацепку. Прошло больше десяти лет после второй войны с демонами. С тех пор Кроатона не видели. Неужели снова будет война? Что это, если не вызов? Чёрный жнец мечтал уничтожить демонов раз и навсегда — чтобы все могли жить спокойно. Чтобы никто больше не рос сиротой из-за этих порождений Ада. Весь его путь, все упорные тренировки были мотивированы одним желанием — убить каждого демона, каждого генерала, каждого владыку.

Обойдя почти все улицы, Фелдар почувствовал сильный запах гари. Обернувшись, он увидел, как разрушенные дома, некогда полные жизни, начали гореть под ярким светом дня. Пламя — яркое и жадное — вырывалось из окон, будто само дерево пыталось вырваться из плена смерти. Языки огня плясали, отбрасывая зловещие тени на обгоревшие стены и обломки. Дым поднимался в небо чёрными клубами, чужими на фоне голубого дня. Треск дерева и хруст стекла сливались с шёпотом ветра, складываясь в симфонию разрушения.

И вот из огненного моря навстречу ему по узкой улице вышли три фигуры. Вампиры в латных доспехах, сверкающих под солнцем, двигались с грацией хищников. Лица скрывали капюшоны, а глаза светились жадным голодом. Латы отливали красным, отражая и солнечные лучи, и пламя, будто сами были частью этого адского пейзажа. Каждый шаг вампиров был уверенным, беззвучным. Их присутствие давило так, что даже огонь, казалось, отступал перед ними — признавая власть крови.

Чёрный жнец с интересом наблюдал за приближающимися существами. Их движения были плавными и беспечными, словно они наслаждались зрелищем, которое оставили после себя. Фелдар знал, кто к нему идёт, поэтому отстегнул с пояса склянку с зельем «Кровь» и выпил до дна. Жидкость обожгла горло, разливаясь по венам теплом, заставляя мышцы невольно напрячься. Зелье давало временный эффект повышенной регенерации: мелкие порезы и раны затягивались за секунды, позволяя избежать лишней крови. Это было важно в бою с демонами крови — они становились сильнее от запаха и вкуса крови.

То были элитные вампиры владыки крови — Бельфегор, Авангор и Ирвита. Видимо, их отправили сжечь деревню дотла — чтобы не осталось следов нападения Кроатона.

Вампиры постепенно окружали жнеца, доставая из ножен двуручные мечи. Чёрный жнец казался самым спокойствием: не торопился, не суеился, не давал страху показать себя. Он медленно достал свои одноручные косы из-за спины, на секунду закрыл глаза, сделал выдох — и резким выпадом напал на Ирвиту. Она пошатнулась от неожиданной атаки, но всё же успела парировать. Едва ли другие вампиры успели замахнуться, как жнец, раскручиваясь в ударах, словно юла, рубанул демонице по горлу. Лезвие косы крюком подцепило плоть. Она тут же схватилась за шею, пытаясь остановить хлеставшую кровь, и рухнула на землю, извиваясь от боли, словно змея.

Фелдар не успел её добить: со спины уже атаковали Бельфегор и Авангор. Жнец уворачивался и отбивал удары, пытаясь контратаковать. Это было непросто: вампиры сражались умело, а эффект неожиданности уже был потрачен. Фелдар бился как зверь — сильными, быстрыми ударами, крутясь и уходя от встречных атак. Со стороны могло показаться, что его удары беспорядочны, будто ураган, сметающий всё. Но в этом «хаосе» была отточенная техника: безумный, но упорядоченный рисунок боя.

Косы в его руках пели, разрезая воздух. Вампиры почти прижали жнеца, но в бой внезапно ворвалась Лана. На бегу она выхватила парные клинки и в прыжке обрушилась на Бельфегора. Ему пришлось отвлечься от Фелдара и парировать атаку Алой жницы. Лана дралась иначе: в её ударах и уклонениях было изящество и надменность. Казалось, она стремилась не просто победить, а унижить. Будто дерётся в половину силы — и от этого становилось ещё страшнее. Её движения напоминали танец, но танец смерти.

Бельфегор взбесился. Вампирское высокомерие не терпело, когда человек смотрит сверху вниз. Он начал бить мощно, но всё более бездумно, пытаясь хоть как-то достать её. Лана отступала, но всё так же легко и точно парировала, её глаза были холодными льдинками. И вот, когда Бельфегор почти прижал её к стене горящего дома, он замахнулся и нанёс яростный удар сверху. Лана, как кошка, ушла в сторону — и меч воткнулся в деревянный забор, между досками. Вампир рванул руками назад, но клинок вышел не сразу, застряв в древесине. Этого мгновения Лане хватило, чтобы быстрым ударом снести противнику голову. Клинок сверкнул, и тело вампира рухнуло без головы.

Авангор, сражавшийся с Чёрным жнецом, увидел, как Лана стоит над трупом Бельфегора. И в тот же миг превратился в сгусток дыма, подлетел к Алой жнице, материализовался за её спиной — и проткнул её насквозь мечом. Удар вышел из груди, окровавленное лезвие блеснуло на солнце. На лице Ланы не сразу появилась боль. Сначала — удивление, почти детское, будто тело не поверило в предательство собственной прочности. Потом губы разомкнулись, но вместо слов вышел только слабый, влажный вдох. Всё произошло за несколько секунд, и Фелдар не сразу понял, что случилось.

— Лана! — закричал Чёрный жнец, и в голосе его был ужас.

Он бросился к Авангору в обезумевшей ярости. Вампир едва успел извлечь меч, и Лана рухнула на землю. Фелдар обрушил на врага шквал мощных ударов. Авангор пытался парировать — безуспешно. Жнец выбил меч из его рук, сильным ударом сверху воткнул косу ему в голову, а второй косой снёс голову. Тело упало рядом с телом Алой жницы.

Фелдар рухнул на колени рядом с Ланой. Кровь текла рекой — слишком быстро, слишком бесстыдно, будто сама жизнь решила уйти, не оглядываясь. Он пытался зажать рану, но пальцы скользили по теплой липкой жидкости. Рана была слишком серьёзной. Даже зелье не поможет. Он смотрел в её красивые голубые глаза — и видел, как из них уходит свет. Не «умирает человек», а гаснет что-то очень человеческое, что он привык видеть рядом с собой с детства.

Мир вокруг замер. Огонь перестал трещать, ветер стих. Лана положила дрожащую, бледную ладонь на руку Фелдара, словно пыталась успокоить его, а не себя. Фелдар не выдержал и заплакал. Слёзы капали на её доспех. Он прижал её ладонь к своей груди и качался из стороны в сторону, раздражаясь от собственной беспомощности. Его бесило, что он ничего не может сделать. Что он — жнец, элита Ордена — а всё равно бессилён удержать жизнь в её теле.

Лана лишь слегка улыбнулась и попыталась что-то прошептать. Губы едва шевельнулись. Фелдар наклонился ближе, но не разобрал ни слова — только почувствовал её тёплое дыхание, которое становилось всё слабее. Говорят, у умирающего вся жизнь проносится перед глазами. Но почему-то жизнь пронеслась перед глазами Фелдара. Он отрывками вспоминал, как они тренировались вместе. Как ночами напролёт разговаривали, сидя у стены казармы, и воровали еду, предназначенную высшему совету Ордена. Фелдар всегда был сдержанным и малоэмоциональным, но Лане каким-то образом удавалось вдыхать в него жизнь своей яркой, беззаботной энергией. И теперь она умирает — и вместе с ней умирает что-то в нём самом. Часть его души гасла вместе с её дыханием.

В дыму, смешанном с серым пеплом, шагала фигура в тёмном плаще до колен, расшитом золотыми узорами. Длинные чёрные волосы слегка шевелились от ветра, хотя воздуха не было. На бледном лице ярко светились красные глаза. На руке выделялось кольцо с синим камнем,

от которого шёл тонкий дымок. Фелдар видел, как он приближается, но не шевелился, крепко держа руку Ланы у своей груди. Ещё один вампир. Только не элитный, а, на первый взгляд, самый обыкновенный. Но аура вокруг него была тяжелой, древней, от неё холодило даже через латы.

— Неожиданный поворот, — произнёс незнакомец, подойдя ближе к жнецам. Голос его был спокойным, слишком спокойным для места, где только что кипела бойня.

— Твои собратья мертвы, — ответил Фелдар. — Хочешь быть следующим?

— Зачем грубить тому, — издевательски улыбнулся демон, — кто может тебе помочь?

Лана, услышав голос вампира, попыталась зашевелиться, но у неё не было сил. Хрип вырвался из её горла.

— Ей уже не помочь, — прошептал Фелдар.

— Не соглашусь, — демон наклонился к телу Ланы и приложил два пальца к её шее. — Я ещё успею её спасти.

— Зачем тебе это? — непонимающе спросил жнец, поднимая взгляд. В его глазах плескалась надежда, смешанная с подозрением.

— Время идёт, — усмехнулся вампир. — Ты правда сейчас хочешь разбираться в моих мотивах?

Фелдар посмотрел на Лану. Её дыхание стало прерывистым.

— Ладно, — Фелдар с надеждой посмотрел на демона. — Спасай.

— Люблю деловых людей, — демон достал кинжал и полоснул себе ладонь, из которой тут же побежала кровь. Затем он прошептал слова, похожие на заклинание. Воздух вокруг засветился слабым синим ореолом.

— У всего есть своя цена. Мы заключим сделку.

Фелдар почти не слушал. Он просто смотрел в красные глаза демона, которые на фоне горящей деревни казались ещё более жуткими, словно два угля в пепле.

— Я исцелю Лану, а за это ты окажешь мне услугу.

— Какую?

— Не надо... — тихо простонала умирающая жница, пытаясь мотнуть головой.

— Пока мне ничего от тебя не нужно, — демон протянул жнецу окровавленную руку. — Но наступит день, когда я приду и попрошу тебя о чём-то. Это и будет цена за мою помощь.

Фелдар молча провёл ладонью по острию своей косы — и из раны тут же потекла кровь. Он не колебался. Жизнь Ланы стоила любой цены.

Затем он пожал руку вампиру. В тот же миг он ощутил жар, прошедший сквозь всю руку, и увидел свет, пронизывающий их рукопожатие. Отпустив руку демона и взглянув на свою ладонь, жнец заметил: рана затянулась, и от крови не осталось и следа. Только белый шрам остался напоминанием.

— Что это за магия? — удивлённо спросил Фелдар.

Однако демон не ответил. Он лишь взял окровавленный кинжал и осторожно надрезал вену на запястье, и багровым ручьём побежала кровь прямо на рану жницы. Кровь демона шипела, касаясь человеческой плоти, заставляя её срастаться. Лана внезапно открыла глаза и начала извиваться от боли. Фелдар почувствовал, как она сильно сжала его руку, — так крепко, будто цеплялась за жизнь через него. Потом её пальцы ослабли, и она потеряла сознание, но дыхание стало ровным. Вампир продолжал свои действия предельно спокойно. Он точно знал, что делает.

Когда вампир закончил, он вытер руки о плащ, оставляя кровавые следы на золотых узорах.

— Вот и всё, — сказал демон, поднимаясь. — Отнеси её в тихое место, она будет спать ещё долго.

Из bestiария Ордена Священной Защиты

Демоны Крови

Самые разумные из демонов, что породило в них исключительное высокомерие. Своё название получили из-за способности черпать силу в крови. В Аду демоны крови становились сильнее, испивая крови демонов тьмы или огня. Однако, попав в мир людей, они обнаружили, что человеческая кровь им больше по душе.

Предводитель: Азазель, именуемый также Сотканный из Крови. Внешне напоминает человека с чрезвычайно развитой мускулатурой. Обладает невероятной быстротой и реакцией. Не восприимчив к святой воде и святой пыли. Владеет телекинезом. Способен принимать монстр-форму, превращаясь в огромное крылатое существо, способное к полёту.

Демоны крови третьего ранга (Кровососы): Неразумные существа, внешне напоминающие диких зверей, которые как животные нападают и пытаются высасывать кровь из жертв. Вампиры часто используют их, чтобы направить на врагов.

Демоны крови второго ранга (Вурдалаки): Крылатые монстроподобные существа, обладающие зачаточным разумом, но мыслящие примитивно. Опасны своей численностью и жестокостью.

Демоны крови первого ранга (Вампиры): Внешне почти неотличимы от людей, за исключением чрезвычайно бледной кожи и ярко-красных глаз, которые выдают их истинную природу. Обладают высоким интеллектом, хитростью и способностью к манипуляции. После Второй войны начали вести разведывательную деятельность, живя и скрываясь среди людей.

Высшие вампиры: Отдельная категория. Приближённые Азазеля, наделённые им особой силой. Элитная гвардия владыки крови.

Что-то изменилось

Лана медленно открыла глаза, и мир обрушился на неё ослепительной белизной. Небо было таким голубым, таким бездонным, что казалось ненастоящим. Солнце слепило так ярко, что пришлось щуриться, словно сама жизнь пыталась доказать ей: ты ещё здесь, ты дышишь, ты жива.

Она лежала на мягкой траве у берега реки. Травинки кололи спину через тонкую ткань нательного белья. Воздух пах водой, сырой землёй и полевыми цветами — запах жизни, чистый и не испорченный гарью. На ткани виднелись бурые пятна засохшей крови. Её крови. На мгновение Лана испугалась даже не боли — пустоты. Где доспехи? Где мечи? Где земля, которая секунду назад горела адским пламенем?

Приподнявшись, она почувствовала слабость, словно из неё выкачали все силы. Но боль была приглушённой, далёкой, скованной чужеродным жаром в венах. Через высокую траву она увидела Фелдара у берега реки. Он стоял на коленях в холодной воде и отмывал её доспехи. Его движения были механическими, ритмичными. Он тёр металл тряпкой, но кровь, казалось, въелась в поры стали, впиталась в швы. Он делал это не ради чистоты, а чтобы руки не начали дрожать. Чтобы не думать. Взгляд жнеца был погружён в тяжёлые мысли, которые он запер глубоко за рёбрами, не выпуская наружу ни звука.

Лана хотела позвать его, но поняла, что у неё не хватает сил произнести ни слова. Горло пересохло. Она просто смотрела.

Какое удивительное место. Простая природа — вода, трава, воздух — а ей казалось, будто она заново родилась и видит всё впервые. Редко удаётся остановиться и почувствовать момент, но сейчас, ощутив близость смерти, Лана вдруг ясно поняла: такие мгновения надо создавать самому. Никто не знает, когда его часы остановятся.

Фелдар заметил движение и резко повернул голову. Он поспешил к ней, вытирая мокрые руки о штаны. Сел рядом на траву и осторожно взял её за руку. Его ладонь была горячее, шершавой от мозолей и холодной речной воды.

И в этот момент Лана почувствовала странное. Не боль и не слабость, а лёгкий всплеск чего-то живого внутри. Сердце забилося чуть быстрее, откликаясь на его тепло. По венам пробежала лёгкая вибрация, словно где-то глубоко под рёбрами натянулась невидимая струна, отозвавшись на его касание. Это было слишком тихо, чтобы назвать это «чувством», но слишком явственно, чтобы отмахнуться. Раньше при касании к нему с ней такого не происходило. Они были друзьями, соратниками. Но сейчас воздух между ними стал плотнее.

Что-то изменилось. Не в нём. В ней. В самой ткани её существования.

— Как ты? — спросил Фелдар заботливо. В его зелёных глазах плескалось облегчение, смешанное с виной.

— Вроде... нормально, — Лана попыталась улыбнуться, но уголки губ дрогнули. — Только слабость. Будто выкачали всё.

— Конечно, — тихо заметил он, не отпуская её руки. — Ты потеряла много крови. Я думал... я уже думал, что опоздал.

Её словно молнией ударило. Память вернулась сразу, хлынула мутной волной — огонь, бой, запах гари и озона. Холод стали, прошившей её насквозь. И он — демон в чёрном плаще. Красные глаза. Кровь, капающая на рану.

— Зачем ты заключил сделку? — спросила она, и в голосе прорезалась паника. — Не надо было...

— Я тоже хочу это обсудить, — перебил Фелдар, и в его голосе звякнула сталь. — Вампир назвал тебя по имени. Будто знал годами. Вы знакомы? И что за ритуал? У меня в руке до сих пор жар от того рукопожатия.

Лана слегка покачнулась и непроизвольно положила голову на плечо Фелдара, будто искала опору, хотя терпеть не могла выглядеть слабой. Ей нужно было его тепло, чтобы заглушить холод, оставленный демоном.

— Это сделка на крови, — произнесла она тихо, глядя на реку. Вода несла свои воды прочь, равнодушная к их бедам. — Очень сильный ритуал. Древний. Он влияет не на тело, Фелдар. Он влияет на линии судьбы.

Фелдар нахмурился. Он слушал внимательно, но в глазах было видно: он пытается ухватиться за логику, как за поручень в шторм. Магия Ордена была простой: зелья, святая сталь. А это... это было нечто иное.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Ты, я, Ансанат — объясняла Лана, и имя демона прозвучало как приговор. — Теперь мы связаны. Моя линия жизни должна была оборваться сегодня. Обрывок нити уже был в руках смерти. Но ты вмешался и помешал этому.

— Не понимаю. Лекарь тоже спасает умирающих. Это что, тоже вмешательство в судьбу? Это просто жизнь.

— Нет, — возразила Лана, и её голос стал твёрже. — Суть в сделке. Это заклинание обязывает вас выполнить обещанное друг другу. Это не долг чести. Это магическая цепь. Если ты не сделаешь то, что он у тебя попросит... его услуга по спасению меня сгорит. Как свеча на ветру.

— И что тогда? — спросил Фелдар, хотя уже знал ответ.

— Я умру, — просто сказала Лана. — В ту же секунду. Сердце остановится. Камень упадёт на голову. Судьба заберёт то, что ей не заплатили.

Она говорила спокойно, но пальцы, лежавшие на траве, сжались в кулак. Спокойствие было не смирением, а последней стеной, за которой начиналась паника.

— А в чём здесь влияние на судьбу? — спросил жнец. — Это больше похоже на сделку с обязательным выполнением. Как контракт.

— Подумай, — Лана повернула к нему лицо. В её голубых глазах стояли слёзы, которые она не позволяла себе пролить. — Ансанату было всё равно. Но ритуал обязал его спасти меня — это было твоё условие. Теперь моя жизнь зависит от твоего выбора. Сделаешь ли ты то, что он попросит. Поэтому я связана не с судьбой... а с тобой. Моя жизнь теперь зависит от тебя.

Фелдар молчал. Ветер шевелил его чёрные волосы. Он смотрел на реку, на свои руки, на Лану. Он понял. Чтобы спасти её, он продал не свою душу — он поставил на кон её жизнь.

Он прижал Лану к себе правой рукой — без лишних слов, будто хотел закрыть её от самого мира. Его объятие было крепким, отчаянным.

— Не сомневайся, — сказал он, и в его голосе не было сомнений. Только холодная решимость. — Я не дам тебе умереть. Что бы он ни попросил... я сделаю.

Лана тяжело выдохнула, чувствуя, как его слова ложатся на неё грузом. Она боялась не смерти. Она боялась того, во что он может превратиться ради неё.

— Этого я и боюсь, — тихо сказала она, закрывая глаза. — Что ты сделаешь всё, что он скажет.

Фелдар молчал секунду, потом спросил, и в голосе его прозвучала тень подозрения:

— Откуда ты его знаешь? Это он рассказал тебе про сделку?

— Да, — ответила Алая жница, и голос её дрогнул. — Я познакомилась с ним давно. Ещё до того, как я стала жнецом.

Из книги по алхимическим исследованиям Ордена

Кровь вампира наделена удивительными целительными свойствами. Согласно имеющимся у нас данным, эти демоны крови бессмертны и не подвержены старению. Это происходит благодаря уникальному составу их крови, которая, бесконечно циркулируя по телу, предотвращает процесс старения. Если вампир добровольно пожертвует свою кровь, она способна исцелить тяжёлые раны на человеческом теле. Мы не раз пытались захватить вампиров и извлечь из них кровь против их воли. Увы, кровь, добытая насильственным путём, не обладает теми же целебными свойствами и лишь на короткое время усиливает регенерацию человеческого организма при незначительных повреждениях. Таким образом, мы пришли к созданию зелья Кровь, где основным компонентом является именно кровь вампира.

Последняя миссия Евы

1262 год.

Беловолосая Лана стояла в строю у кромки Нонденского леса. Тогда её волосы ещё не были окрашены в цвет крови — они были светлыми, почти прозрачными на солнце, но солнце не грело. Оно лишь освещало поле, выжигая тени до блеска, оставляя воздух пустым и холодным. Вокруг простиралось зелёное море травы, но ветер шёл без запаха, без пения, без жизни.

Рядом выстроились другие охотники отряда Евы: Лансель, Элиза, Бернارد и Левон. Сталь доспехов тихо позвякивала на ветру, но звук казался глухим, будто влажный воздух впитывал эхо, не давая ему разлететься. Все слушали командира.

Лансель поправлял ремень нагрудника — снова, снова, снова. Элиза щурилась на солнце, ладонь не отрывалась от рукояти, пальцы белели от напряжения. Бернارد шептал молитву, губы двигались едва заметно. Левон, самый младший, улыбался, но улыбка не касалась глаз.

— Мне поступила информация, — произнесла Ева. Голос ровный, но под ним чувствовалась сталь. — Владыка демонов крови Азазель недавно покинул Ад и обосновался в забро-

шенном замке по ту сторону леса. Ранее это поместье принадлежало влиятельной торговой семье, но после Второй войны им пришлось его покинуть. Теперь там гнездится зло.

— Командир! — прервал её Лансель, поправляя ремешок нагрудника. — Но откуда у вас такая точная информация?

— Главное, что она верна, — ответила Ева, не отводя взгляда. — Источник я раскрыть не могу. Он ещё ни разу нас не подвёл. Он знает их планы лучше них самих. Поэтому недоверие здесь неуместно.

Взгляд жницы был суров, что контрастировало с её изящным, почти кукольным лицом. Длинные алые волосы, ниспадающие до пояса, тяжёлой рекой легли на спину, будто сотканые из огня и остывающей стали. Некоторые утверждали, что стать Алой жницей — её судьба: такой редкий цвет волос был даром, доставшимся ей от рождения. Но Ева не верила в дары. Она верила в клинок. Всегда мечтала стать жнецом, неустанно оттачивая навыки, пока другие рекруты спали. Её мастерство в бою парными клинками было безупречным, и многие называли её лучшей фехтовальщицей Единого государства.

— Есть ли ещё вопросы, или мы уже можем приступить к делу? — грозно спросила жница, и её рука легла на рукоять меча.

Все молчали. Тишина повисла тяжёлым грузом.

— Вот и славно, — произнесла Ева, устремив взгляд в сторону леса, где тени уже начинали сгущаться, хотя был полдень. — Выдвигаемся.

Отряд вошёл под полог. Воздух сразу стал плотнее, пахнущим прелой хвоей и чем-то сладковато-гнилым. Тропинки извивались между стволами, как старые шрамы. Свет, пробиваясь сквозь листву, ложился на землю ломкими пятнами. Вокруг царила тишина. Не естественная. Выжженная. Птицы не пели. Насекомые не стрекотали. Лишь сапоги хрустели по сухим веткам.

Уже несколько лет они методично уничтожали генералов демонов высокого ранга. Всё началось с Евы: став жнецом, она разочаровалась в этой работе и пришла к выводу, что Орден неэффективен и лишь создаёт видимость борьбы с демонами. Вместо того чтобы объединить силы и ударить разом, Орден патрулировал города, распыляя воинов по огромному Единому государству, словно боялся сосредоточить силу в одной точке.

Утомлённая бюрократией и бессмысленными патрулями, Ева решила самостоятельно заняться истреблением демонов. Она собрала отряд единомышленников и, отрешившись от Ордена, отправилась в свободное плавание. Разумеется, верховный совет Ордена не одобрил этого шага и объявил Еву и её отряд вне закона как предателей, покинувших места службы.

Однако поймать их так и не удалось. Многие простые люди симпатизировали Еве, считая её единственной, кто действительно делает полезное дело, а не тратит налоги народа на пиры. Поэтому ей часто помогали скрываться в городах и поселениях, пряча от Службы Охраны Государства.

Убивая генералов демонов один за другим, отряд завоевал огромную славу в Едином государстве. Об их подвигах слагали песни, а юные рекруты Ордена мечтали быть похожими на Еву, а не заниматься рутинными патрулями. Эта популярность подрывала репутацию Ордена и Единого государства в целом. Люди начали задаваться вопросами: почему небольшая группа охотников способна так эффективно сражаться, тогда как Орден, обладая мощной армией, не может этого сделать? Ева не искала славы. Ей просто хотелось раз и навсегда уничтожить демонов и положить конец кровопролитным войнам.

Лана тогда верила ей без остатка. В Ордене учили подчиняться уставу. Рядом с Евой хотелось подчиняться мечте: простой, безумной, прекрасной мечте о мире, где охотники однажды станут не нужны.

Внезапно, слева, в нескольких метрах от отряда послышался хруст сухих веток. Звук был неестественно громким, словно кто-то специально наступил на сук.

Ева подняла кулак — и все остановились. Воздух мгновенно стал холодным, запах озона ударил в нос, смешиваясь с гнилью. Она шагнула вперёд, отодвинула ветку. На нижнем суке лежала мёртвая птица. Не убитая. Высохшая. Кожа обтянула кости, перья потускнели, будто жизнь покинула её мгновенно, выпита досуха.

— Нет, — произнесла Алая жница, и её лицо побледнело. Голос сорвался на шёпот. — Не может быть. Это ловушка.

— Что случилось? — спросила Лана, чувствуя, как холодок пробежал по спине, врезаясь под рёбра.

— Бежим отсюда! — закричала Ева, разворачиваясь. Плащ хлестнул по воздуху. — Это западня!

— Не так быстро, — раздался жуткий голос неподалёку. Он отозвался эхом. Впитался в кости.

Со всех сторон из кустов выпрыгнули затаившиеся вампиры. Они не бежали — они текли, как чёрная жидкость, обретая форму. Охотники выхватили оружие, но демоны крови не нападали — лишь медленно кружили вокруг, ожидая команды хозяина. Их глаза горели красным огнём в полумраке леса.

Из-за густых деревьев, неспешно и тяжело, шагнул двухметровый беловолосый вампир, одетый как аристократ. Его чёрный камзол был безупречен, ни единой складки. Ярко-красные глаза, из которых, казалось, исходил дым, жутко сверкали на бледном, полумёртвом лице. Взгляд был высокомерным и надменным, словно он смотрел не на воинов, а на насекомых. Перед охотниками предстал сам владыка демонов крови — Азазель.

— Почему вы хотели бежать? — его голос отдавал жутким демоническим эхом, заставляя листья на деревьях вянуть. — Вы же шли, чтобы убить меня. Вот я перед вами. Зачем убегать?

Пока охотники стояли как вкопанные, парализованные давлением его ауры, Ева выхватила парные клинки. Сталь звякнула, и этот звук стал сигналом к смерти. Издав звериный крик, она с разбега бросилась на владыку крови, нанеся мощный удар обоими мечами.

Азазель даже не попытался уклониться. Он даже не моргнул. Клинки разбились вдребезги, словно стекло, ударившись о его кожу. Звон разлёгся по лесу, короткий, сухой, невозвратный. Осколки святой стали разлетелись в стороны, один из них царапнул щеку Ланы, оставив тонкую полоску жара.

Владыка крови схватил Еву за горло одной рукой и поднял её над землёй. Она забила ногами в воздухе, но его хватка была несокрушимой. Он ехидно рассмеялся, и звук этот был хуже любого крика.

— Наконец-то, — с наслаждением произнёс Азазель, приближая её лицо к своему. — Сколько же моих лучших демонов ты убила.

Лана уже хотела выхватить меч, рвануться вперёд, крикнуть, но вдруг почувствовала сильный удар по голове. Мир вспыхнул белым светом, затем покраснел. В глазах потемнело, и она потеряла сознание, падая на мягкую траву, которая уже начала впитывать кровь её друзей.

Ужин вампиров

Лана очнулась от мерной, тошнотворной качки. Холодное железо впилося в бёдра и плечи, оставляя на коже влажный, ржавый след. Клетка висела под самым потолком, удерживаемая массивными цепями, которые тихо позвякивали при каждом её движении — звук отдавался в висках, отдавал металлическим эхом. Когда она попыталась пошевелиться, прутья ответили ледяным окоченением, а сама клетка слегка качнулась, словно виселица на сквозняке.

Она была высоко. Слишком высоко, чтобы прыгнуть. Слишком высоко, чтобы просто закрыть глаза и не видеть то, что происходило внизу. Взгляд сам тянулся к полу, будто притянутый невидимой нитью.

Внизу раскинулся зал. Каменный, огромный, похожий на древний тронный чертог. Стены хранили старую резьбу, изображающую забытые битвы, но сейчас её перекрывали свежие пятна крови — багровые, влажные, ещё не успевшие почернеть. В углах, в глубоких тенях, валялись кости и обрывки того, что когда-то было одеждой охотников. По полу медленно ползли вурдалаки — твари с серой, пергаментной кожей и пустыми глазницами. Они грызли остатки так, как грызут падаль; не торопясь, с чавкающими, влажными звуками, которые эхом разносились под сводами, смешиваясь с запахом сырого камня и железа.

Посреди зала стоял длинный стол из чёрного, отполированного дерева. За столом сидели вампиры. Дорогие одежды, бархатные плащи, расшитые камзолы, золото колец и застёжек — всё сверкало в дрожащем свете канделябров. Они выглядели так, будто собрались на светский приём, а не на кровавую вакханалию. Разговаривали тихо, воспитанно. Смеялись, прикрывая рты льняными салфетками. Поднимали бокалы с густой красной жидкостью, позволяя ей слегка покачаться, прежде чем сделать глоток.

Только вместо блюд на столе лежали люди. Лансель. Элиза. Бернارد. Левон. Привязанные широкими ремнями и верёвками к тяжёлым деревянным доскам, как туши, которые не должны упасть во время разделки. Они были живы. По крайней мере, в начале. Их глаза были широко открыты, полные немого, леденящего ужаса, но тела уже не слушались — скованные страхом, болью, безысходностью.

Вампиры резали их неторопливо, будто разделявали мясо, которого должно хватить на долгий вечер. Серебряные ножи скользили по коже с тихим, влажным шёпотом. Отрезали ровные куски, клали себе на тонкие фарфоровые тарелки, жевали, продолжая беседу о чём-то своём — о погоде, о вине, о дальних странах. Кровь стекала по желобкам досок в серебряные чаши, и кто-то, улыбаясь, доливал её в бокалы, как дорогое вино, смешивая с виноградным соком для вкуса. Запах меди висел в воздухе, тяжёлый, непробиваемый.

Элиза плакала беззвучно — слёзы текли в стороны, по вискам, потому что голову ей некуда было повернуть. Когда лезвие коснулось её бедра, она дёрнулась всем телом, пытаясь вырваться из ремней. Кожа натянулась, ремни врезались глубже, оставляя багровые полосы, но она лишь слабее забилась в агонии, выдыхая прерывисто, хрипло. Вампир даже не посмотрел на неё. Он продолжал говорить — о тканях, о торговых путях, о том, как смешно люди цепляются за свои правила, — и между словами аккуратно, почти лениво, резал дальше, отделяя кусок за куском. Хруст сухожилий звучал громче его слов. Элиза захлебнулась собственным рыданием и начала умолять, но её голос тонул в ровной беседе, как шёпот под музыку оркестра.

Бернارد пытался держаться — до тех пор, пока один из вампиров не наклонился ближе и не спросил, улыбаясь обнажёнными клыками, как у него дела. И Бернارد, дрожа, ответил, потому что мозг цеплялся за любой шанс быть «человеком», а не «едой». Вампир кивнул, будто удовлетворён ответом, и в следующий миг просто провернул нож глубже, попадая в кость. Сухой треск разнёсся под сводами. Бернارد вскрикнул, выгнулся дугой, и этот крик прозвучал для них как смешная пауза в разговоре, повод для лёгкой, воспитанной усмешки.

Во главе стола сидел Азазель. Воздух вокруг него казался тяжелее, словно сама тьма сгустилась у его трона, вытесняя кислород, делая каждый вдох густым и вязким. У его ног лежала Ева. Голая. На шее — массивный стальной ошейник с внутренними шипами. Кожаный поводок был в руке владыки, как у хозяина, который держит собаку на короткой цепи. Ева не плакала. Она смотрела вперёд стеклянными, пустыми глазами, в которых давно угасла надежда. Она дышала тяжело, каждый вдох давался ей с трудом, вырываясь коротким, прерывистым стоном.

Азазель поднял взгляд вверх, прямо на клетку, где металась Лана. Его глаза светились в полумраке, как тлеющие угли, в которых не было ни злости, ни торжества — только холодное, изучающее любопытство.

— Проснулась, — сказал он, и это прозвучало почти ласково, словно отец будит дочь. — Последняя.

Лана попыталась вдохнуть, но воздух застрял в горле, став липким, тяжёлым, будто пропитанным кровью и страхом. Её трясло так, что прутья клетки зазвенели, звук разнёсся по залу, привлекая внимание всех сидящих внизу. Несколько голов повернулись. Взгляды скользнули по ней, оценивающе, без жалости.

— Как тебя зовут? — спросил Азазель. — Л... Лана... — выдавила она, и голос её сорвался на шёпот.

— Слышишь, Ева? — Азазель слегка дёрнул поводок, и Ева опустилась ниже, почти на колени, цепляясь пальцами за холодный, шершавый камень. — Твоя охотница боится. Успокой её. Ты ведь командир.

Ева подняла взгляд. В её глазах, тусклых и разбитых, на секунду мелькнула искра.

— Вам... не победить... людей... — прошептала она, и густая кровь потекла из уголка её рта, оставляя тёмный след на подбородке. Азазель улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего человеческого.

— Ты всё ещё говоришь, — сказал он спокойно. — Это мило.

Один из вампиров уронил серебряную вилку, рассмеялся и начал рассказывать что-то про городские сплетни, про новые моды в столице. Другой, не отрываясь от разговора, отрезал от живого человека очередной кусок мяса. Человек на столе застонал, глухо, прерывисто, и этот стон стал фоном, как музыка в трактире, неотъемлемая, привычная часть вечера.

Ева пошевелилась. Не сопротивляясь. Просто — как будто хотела сказать ещё что-то, найти слова, которых не существовало. Азазель посмотрел на неё, и в его лице мелькнуло раздражение. Не ярость. Раздражение хозяина, которого утомила игрушка, переставшая занимать. Он поднял Еву за поводок, как поднимают животное, заставляя её запрокинуть голову, обнажая бледную, покрытую потом шею. Он наклонился.

— Ты мне надоела, — сказал он. И укусил.

Звук был тихим, но отчётливым. Хрустнул клык, рассёк кожу. Кровь пошла сразу. Не брызнула — потекла, густо и тёмно, заливая грудь девушки и бледные руки владыки. Азазельпил спокойно, не торопясь, с закрытыми глазами, как пьёт человек, который давно привык, что всё вокруг принадлежит ему. Кто-то за столом поднял бокал и продолжил говорить о делах, будто ничего не произошло. Будто не угасла жизнь прямо у них перед глазами.

Ева дёрнулась. Руки попытались вцепиться в воздух, царапая пустоту, пальцы скрючились. Потом тело обмякло, став просто ещё одним грузом на конце поводка. Азазель отстранился, губы его были красными, забрызганы кровью. Он вытер угол рта тыльной стороной ладони, улыбнулся и, не глядя, бросил Еву на камень. Тело глухо, тяжело ударилось о пол.

Лана закричала. Это был не крик человека — это был звук, который вырывают из живого против его воли, разрывая связки, ломая голос. Звук, от которого лопается рассудок, оставляя лишь белую, оглушающую боль. И тьма снова закрыла ей глаза, тяжёлая, милосердная. Но крик ещё долго звучал в её голове, отражаясь от каменных стен, даже когда сознание окончательно ушло, унося с собой мир, в котором ещё оставалось хоть что-то живое.

Спасение

Она очнулась ночью. Тишина не была пустой — она была тяжёлой, словно воздух пропитался кровью и гнилью, став плотнее воды, глушащей любые отзвуки. Дышать приходилось через силу, каждым вдохом втягивая липкий, сладковато-железистый смрад, который въедался в ноздри, оседал на языке, напоминал о том, что только что здесь произошло.

Зал опустел. Вампиры ушли, унеся с собой циничный смех, звон фарфора и тяжёлый аромат дорогого вина, смешанный с человеческим теплом. Остались только вурдалаки. Их когти скребли по камню, челюсти работали с мерным, отвратительным чавканьем. Эхом под сводами разносился хруст костей — сухой, короткий, финальный.

Лана висела в клетке под самым потолком. Тяжёлые цепи вгрызались в запястья, оставляя на коже влажный, ржавый след. Металл леденил кости, каждый её произвольный вздох заставлял железо тихо звенеть. Внизу, на каменном полу, копошились тени. Вурдалаки доедали остатки. Они не торопились. Не рычали. Просто жевали. словно время здесь остановилось, оставив только вечное, безразличное перемалывание плоти.

У подножия трона Азазеля стоял он. Не человек. Вампир в тяжёлом тёмном плаще, расшитом золотыми узорами, которые тускло поблёскивали в полумраке, словно старые монеты на дне колодца. На пальце блестело кольцо с синим камнем. От него поднимался тонкий, призрачный дымок, а сам камень светился изнутри — холодно, ровно, будто в нём тлела замороженная душа, отказывающаяся гаснуть.

Он смотрел вниз. На каменный пол, туда, где среди обрывков ткани и луж крови лежало тело Евы. В его лице не было торжества. Не было хищного любопытства. Было что-то другое — пустота, тяжёлая, древняя, от которой даже красные глаза казались не живыми, а выжженными.

Лана невольно шевельнулась. Цепи отозвались резким, металлическим лязгом. Звук прозвучал неестественно громко, разрезая тишину, как выстрел в замкнутом пространстве.

Вампир обернулся. Его движения были плавными, лишёнными суеты, словно он не поворачивался, а просто позволял взгляду сместиться.

— Ты ещё жива, — сказал он. Голос прозвучал ровно, без сочувствия, но и без злости. словно констатация факта, записанного в книгу много лет назад. — Значит, Азазель оставил себе забаву на завтра. Или просто забыл про клетку под потолком.

— Кто ты? — прошептала Лана. Горло саднило, ободранное изнутри криком, который вырвался из неё до того, как тьма сомкнула глаза. Каждый звук давался с трудом, царапая связки.

— Ансанат, — ответил он и слегка наклонил голову, словно делая вежливый, почти театральный поклон хозяину дома, которого здесь больше не было. — Глава вампирской разведки. И твой единственный шанс.

— Помоги... — голос сорвался на хрип. Слёзы снова подступили к глазам, горячие, предательские, обжигающие кожу. — Я не хочу умирать. Только не так. Не стать пищей для них.

Она едва заметно кивнула вниз, туда, где вурдалак, чавкая, отрывал от кости чужую кисть.

Ансанат молчал. Длинно. Тяжело. Он смотрел на неё, не мигая, будто взвешивая не её слова, а вес её души, её страха, её готовности заплатить.

— Я могу устроить тебе побег, — наконец сказал он. — Но за это ты будешь мне должна.

— Я согласна, — сказала Лана, не пытаясь вникать. Ей было всё равно. Лучше вечный долг демону, чем зубы вурдалака в горле.

Ансанат не стал тянуть. Он достал кинжал. Лезвие было чёрным, матовым, словно выкованным из самой ночи, не отражающим ни одного блика. Он провёл им по ладони. Кровь потекла густая, тёмная, почти чёрная на фоне бледной кожи. Он поднял руку и произнёс слова. Язык был древним, грубым, каждый звук резал слух, как скрежет камня о металл, заставляя воздух вибрировать. Кровь на его ладони засветилась — слабым, пульсирующим синим светом, от которого пошла лёгкая дымка.

— Сделка на крови, — сказал он. Его взгляд стал тяжёлым, непроницаемым. — Сейчас объясню, как это работает.

Из учебника истории: Магия

Когда-то магия была частью мира. После Первой войны почти все маги погибли, а оставшиеся ушли и больше не появлялись. Их наследием стали артефакты, которыми могут

пользоваться даже обычные люди. Так, например, в Ордене Священной Защиты охотники используют изумрудные камни магической связи, позволяющие общаться на расстоянии.

Связанные судьбой

— Вот так я и выбралась, — рассказывала Лана. — Пришлось соврать Ордену. Сказала, что сбежала сама.

Её голос звучал тихо и ровно, но за этой внешней спокойностью чувствовалось напряжение, словно каждое слово давалось ей усилием воли, вытягиваемое из глубины, где ещё жила боль. Она смотрела на реку, избегая взгляда Фелдара, пальцы нервно перебирали траву.

Фелдар смотрел на неё с ошарашенным выражением, будто услышал это не ушами, а кожей. Солнце отражалось в его зелёных глазах, но внутри было темно, тяжело, как от свинца.

— Я и не знал... — выдохнул он. — Какой ужас тебе пришлось пережить. Но почему тебя назначили жнецом? Вы же были вне закона. Отряд Евы считали предателями.

— Глава Ордена счёл, что после всего, что я пережила, мне больше никогда не взбредёт в голову лезть в подобные авантюры, — ответила Лана, и в уголке её губ дрогнула тень улыбки, ломкая, безрадостная. — К тому же в отряде Евы я значительно усилила навыки. Я стала достойнее любого кандидата на пост Алого жнеца.

Лана вздохнула и крепче прижалась к Фелдару — не демонстративно, а как прижимаются к теплу, когда внутри до сих пор холодно, когда кости помнят ледяное дыхание смерти, когда тишина всё ещё звучит криками.

— Но он был прав, — продолжила она, и голос её стал тише, уходя в шелест воды. — После тех событий я больше никогда не полезу на владык демонов. Я своими глазами увидела силу Азазеля. Нам не суждено его убить. Мы для него как насекомые.

— Откуда Азазель узнал, что вы идёте на него? — спросил Чёрный жнец, хмурясь. Тень легла на его лицо, перечеркивая скулы. — Это была засада. Идеальная.

— Думаю, наводчик нас предал, — ответила Лана, и в её взгляде мелькнула боль, острая, незаживающая. — Ева так и не сказала, откуда получает информацию. Вероятно, именно источник нас и подставил.

Лёгкий ветерок разгонял солнечные лучи, рисуя на их лицах причудливые тени от прибрежных ив. Фелдар заметил, как волосы Ланы мягко колышутся, алые пряди на фоне зелёной травы, ловя свет. Он поймал себя на том, что слишком долго смотрит на неё — не как на соратницу, не как на подругу, с которой делил детство в Ордене, а как на женщину. Это было странно. Неловко. Неправильно.

Внутри груди что-то тёплое пульсировало в такт её дыханию. Не его сердце. Что-то чужое. Тягучее, навязчивое, как нить, вплетённая в мышцы. Он всегда тянулся к спокойным девушкам — тихим, мягким, тем, кто рядом с ним успокаивается и становится ещё тише. А Лана была другой. Сильной. Резкой. Она привыкла держать удар и смотреть прямо в глаза опасности. Её нельзя было «защитить» — с ней можно было только стоять рядом, плечом к плечу.

А Лане, наоборот, всегда казалось, что она сможет по-настоящему отдаться только тому, кто сильнее её. Кто не попросит, а возьмёт. Кто покорит не словами и нежностью, а чистой волей. Они не подходили друг другу. Они знали это с юности. Это было аксиомой их дружбы. И всё же что-то тянуло. Невидимая нить, натянутая между ними, вибрировала, заставляя кровь бежать быстрее, сгущая воздух вокруг.

Фелдар пытался отмахнуться от этого ощущения, но не мог. Он будто ощущал физическое давление в груди, когда она была близко. Воздух между ними стал плотнее, насыщеннее, пахнувший травой, рекой и чем-то неуловимо электрическим.

— А помнишь, как Говер бегал за тобой всю учебку? — сменил тему жнец, пытаюсь вытащить себя из этого странного оцепенения. Голос прозвучал чуть хрипло.

— Как такое можно забыть, — улыбнулась Лана, и улыбка её стала живее, хотя в глазах ещё плескалась тень прошлого. — Из-за него я с нетерпением ждала распределения. Он много лет не давал мне покоя. Цветы, стихи, вызовы на дуэль...

— Дуэли Говера. Это было очень смешно, — с ностальгией вспоминал Фелдар. — Помнишь как он вызвал Еву? Она отметелила его как щенка. Он тогда сказал, что этой девушке нет равных в бою парными клинками.

— Мой самый необычный поклонник, — ответила Лана.

— Почти все ребята были в тебя влюблены, — усмехнулся Фелдар, чувствуя, как напряжение чуть спадает, уступая место привычному ритму воспоминаний. — Но ты так никого и не выбрала.

— Если бы я кого-то выбрала, — Лана чуть прищурилась, и в глазах её вспыхнул старый огонь, тот самый, что делал её Алой жницей, — мне бы перестали оказывать столько внимания. Да и среди них не было никого, кто смог бы меня впечатлить.

— Вот как, — удивился Фелдар.

— Почему спрашиваешь?

— Мне всегда было интересно, — честно ответил он. — Вот и спросил.

Лана посмотрела на него чуть дольше, чем нужно. В её взгляде читался вопрос, который она боялась задать вслух, но который уже звучал между ними громче слов.

— А ты? — спросила она тихо.

— Что я?

— Ты... не был влюблён в меня?

Фелдар даже не задумался.

— Не был.

Ответ прозвучал слишком быстро. Именно это и задело сильнее всего: не отказ, не холодность, а отсутствие борьбы. Как будто вопрос, который для неё вдруг стал важным, для него никогда не имел веса.

Лана подняла голову. В её взгляде мелькнуло то самое упрямство, с которым она всегда шла в бой, и что-то ещё — сомнение, злость, вызов. Будто она хотела доказать что-то не ему, а самой себе. Будто хотела проверить ту невидимую нить на прочность, разорвать её или убедиться, что она держит.

И она поцеловала Фелдара. Поцелуй вышел неловким — не потому, что они не умели, а потому, что они никогда не были «про это» друг с другом. В этом было больше проверки, чем страсти. Лана будто спрашивала мир напрямую, не через слова: «Это я? Или это сделка?»

Губы встретились неуверенно, дрожа, ища подтверждение. Фелдар замер. На мгновение он хотел отстраниться — не от неё, а от того, что происходило внутри. От этого всплеска чужой эмоции, который накрыл его с головой, как волна, от которой нельзя уйти. Но вместо этого он ответил, сам не понимая, почему. Его рука сама собой легла ей на плечо, притягивая ближе. Пальцы впились в ткань, чувствуя жар её тела.

И оба почувствовали. Искра. Удар. Слияние.

Это не было похоже на обычное желание. В нём не было мягкого начала, постепенного тепла, узнавания. Скорее — приказ крови, чужое пламя, которому их тела подчинились раньше, чем разум успел возмутиться. Пульс под рёбрами дёрнулся, отозвался эхом в груди другого, заставляя дыхание сбиться.

Лана отстранилась первой — резко, словно испугалась собственной реакции. Она отползла на шаг, дыхание её сбилось, грудь тяжело вздымалась. У неё в груди будто щёлкнуло: коротко, глупо, слишком живо для того, что между ними всегда было. Она успела подумать только одно — «почему». И тут же ответ пришёл сам, холодный, как вода в реке: потому что

сделка. Потому что её линия жизни должна была оборваться, а теперь не оборвалась. Потому что судьбу не обманули — её переписали. И если ритуал действительно привязал её существование к Фелдару, то связь должна быть такой, чтобы не рвалась. Максимальная связь между мужчиной и женщиной — любовь.

От этой мысли Лане стало не по себе. Тошнота подступила к горлу, горькая, липкая. Она не хотела любить его. Не потому, что он плох — наоборот. Просто он не был тем мужчиной, которого она представляла рядом с собой. Ей всегда казалось, что она сможет покориться только сильному и волевому, тому, кто подавит её упрямство своей силой.

А Фелдар... Фелдар был другим. Спокойным. Сдержанным. И это должно было оставаться дружбой. Она попыталась зацепиться за спасение: может, это пройдёт, когда тело оправится. Может, это просто усталость. Может, это можно как-то «развязать». Найти способ снять с себя этот узел, пока он не затянулся до конца.

— А теперь? — спросила она тихо, вытирая губы тыльной стороной ладони, словно стирая не поцелуй, а след магии.

Фелдар смотрел в её голубые глаза и пытался собрать себя в одно целое. Внутри всё ещё гудело, словно после удара колокола, вибрация расходилась по рёбрам, не отпуская.

— Я сам пока не понимаю, — честно сказал он. — Меня начало к тебе тянуть. Может, это эффект от твоего спасения. Или от сделки. Мне нужно время, чтобы в этом разобраться.

Лана усмехнулась, но усмешка вышла мягкой, без прежней язвительности. Она опустила взгляд, пряча глаза.

— Ну как разберёшься, расскажи.

Фелдар откинул голову назад и посмотрел на ярко-голубое небо. Облака плыли медленно, равнодушно, не зная о нитях, что вяжут людей к земле. Но любоваться ему пришлось недолго. В глазах вдруг потемнело. Мир дёрнулся, качнулся, как палуба корабля в шторм. В голове стремительно пронеслись образы — огонь, меч, человек с крыльями. Боль ударила в виски, острая и внезапная, словно раскалённая игла вошла в мозг. Жнец резко дёрнулся, схватившись за голову, пальцы сжались в волосах, сдирая кожу.

— Фелдар! — беспокоилась Лана, подаваясь вперёд, рука потянулась к его плечу, но замерла в воздухе.

— Ничего, — зажмурив глаза, ответил он, сквозь зубы, пока боль не отступила. — Привиделось. Нам нужно сделать доклад. Леонард ждёт отчёта.

Фелдар потянулся к поясу за изумрудным камнем связи, но Лана схватила его за руку. Её пальцы были холодными, цепкими, не отпускающими.

— Я сама сделаю доклад, — сказала она твёрдо, и в голосе зазвенела сталь. — Думаю, не стоит рассказывать про элитных вампиров. И про сделку. Если наверху узнают, что ты заключил договор с демоном... Тебя могут счесть предателем.

— Ты права, — не стал спорить Фелдар, опуская руку. Он посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнула благодарность, смешанная с тяжёлым осознанием. — Тогда оставляю эту грязную работёнку тебе. Только отметь одну деталь.

— Какую?

— Пока ты была в храме, я успел обойти деревню. Я видел много глубоких следов от ног Кроатона внутри деревни, но ни одного следа снаружи. Он, похоже, появился из воздуха, убил всех, а потом исчез.

Лана нахмурилась, вглядываясь в его лицо, пытаясь уловить тень шутки или ошибки. Но её не было.

— Но разве такое возможно?

— Не знаю, — ответил Фелдар, поднимаясь на ноги и отряхивая плащ. Пыль и пепел осыпались с ткани, оставляя на траве тёмный след.

— Может, у демонов появились новые фокусы.

Дела государственные

Королевский совет собирался не ради красноречия. Здесь решали, что станет правдой, а что останется шёпотом в трактирах.

Зал был величественным и нарочито спокойным, словно склеп, украшенный для праздника. Мягкий свет струился сквозь витражные окна, окрашивая лица советников то в багровое, то в синее, то в золото. Цвета медленно ползли по столу вместе с солнцем, словно время само судило их решения. Высокие своды потолка были расписаны сценами из легенд и мифов, и казалось, что нарисованные герои смотрят вниз на живых, оценивая их с тем же холодом, с каким люди оценивают чужие жизни. Стены из светлого камня отражали свет и делали помещение «тёплым» на вид, но тепло было обманом. Воздух держался ровным, тяжёлым, как в храме, где нельзя говорить громко, чтобы не потревожить богов. Пахло воском, старой бумагой и страхом.

В центре зала стоял огромный стол из тёмного дерева. Его поверхность блестела, как зеркало, отражая и витражный свет, и напряжённые лица. Вдоль стола — резные стулья с бархатными подушками; на спинках — сцены из старых сказаний, где герои всегда побеждали зло. Тишина в зале была плотной, осязаемой. Её нарушали только шорох ткани, тихий вдох, да редкий скрип дерева, когда кто-то менял позу, не в силах усидеть на месте.

Советники были самыми влиятельными людьми Единого государства.

Серый жнец Леонард — глава Ордена Священной Защиты — сидел прямо. Доспехи на нём выглядели странно: в них не было нужды внутри дворца, но был смысл. Это была броня не от стали, а от слов. Леонард пережил обе войны. Был стар, но возраст не притупил ни ясности ума, ни способности выбирать слова так, чтобы они резали, не обнажая клинка. Его взгляд был устремлён в центр стола, туда, где свет сходил в одну точку.

Ровэр, глава Службы Охраны Государства, внимательно изучал казначея. Дэмиен был на должности три года, но Ровэр так и не научился ему доверять. Он нутром чуял, что с казначеем что-то не так, но никаких доказательств против Дэмиена у него не было. Ровэр разбирался в людях так же, как другие разбирались в картах: по взгляду, по дыханию, по тому, как человек держит руки. Почтенный возраст не сделал его мягче. Стройная фигура, седые волосы и суровый, хитрый прищур выдавали служивого человека, который пережил слишком много секретов — и выжил, потому что умел молчать.

Дэмиен Рон казался полной противоположностью. Молодой, сутуловатый, с густыми чёрными волосами, собранными в косу. Очки тускло блестели. Бегающий взгляд. Он держался так, словно боялся занять слишком много места в мире, и нервничал заметнее остальных. Пальцы его постоянно теребили край пергамента, оставляя на бумаге влажные следы. Ровэру это не нравилось. Нервничающий человек либо слаб, либо играет.

Болентис Светлый, верховный настоятель служителей Лика Судьбы и Лика Ангела, носил расшитую золотом. Он был полноват и невыразителен внешне, но взгляд его умел излучать благодать так убедительно, что в неё хотелось верить. Многие считали его актёром, жаждающим власти. Ровэр же знал: Болентис действительно верит, хоть и имеет за душой множество грехов.

Натаниель Семантос, главнокомандующий армией Единого государства, выглядел как солдат до последней детали: латные доспехи, короткая стрижка, ровная осанка и строгий взгляд. Его рука лежала на рукояти меча, даже здесь, в совете. Костяшки были белыми от напряжения.

Королём был Филипп — сын первого избранного короля Единого государства. Он был ведомым и редко принимал решения один. Почти по любому вопросу собирал совет, опираясь

на мнения тех, кого считал авторитетами. Он начал правление в мирное время, когда обе войны уже прошли. Корона казалась ему тяжёлой, словно была отлита из свинца.

Двери распахнулись, и вошёл король Филипп. Стражники у стен выпрямились. Он сел во главе стола медленно, как человек, которому нравится, когда его ждут.

— Даже не знаю, с кого начать, — сказал король, не повышая голоса. Его пальцы барабанили по подлокотнику. — С Службы Охраны Государства, которая проморгала владыку тьмы, или с Ордена, который «защищает» и не защитил Антайл?

Леонард не дрогнул. Его лицо было маской спокойствия.

— Ваше величество, жнецы доложили: рядом с деревней нет следов Кроатона. Он появился внутри. И исчез сразу после бойни. Мы не понимаем, как такое возможно.

Король усмехнулся, но в улыбке не было веселья.

— Прекрасно. Демоны теперь ещё и испаряются. И что мне говорить людям? Что Принц тьмы зашёл на минуту, как в трактир, убил людей и ушёл? Корону выставят на смех. Орден и так считают бесполезным, а теперь начнут спрашивать, зачем платить тем, кто не успевает даже умереть вовремя.

Ровэр наклонился вперёд. Тень от его фигуры упала на стол, пересекая карту государства.

— Есть ещё одно, ваша милость. В городах растёт влияние Сторонников войны. Мои агенты слышат их речи всё чаще. После Антайла они поднимают головы. Они скажут, что король боится. Что Орден бессилен. Что нужна война. Полномасштабная.

— Если мы ответим ударом, мы получим войну, — холодно сказал Леонард. Его голос звучал как удар камня о камень. — Единому государству не нужна полномасштабная война. Мы не готовы.

— Демоны уже начали, — резко ответил Ровэр, и в его глазах вспыхнул огонь. — Они вырезали деревню. Стариков, детей. Это не разведка. Это вызов.

— Нельзя допускать эскалации, — повысил голос Леонард, и в его тоне впервые прозвучала сталь. — Эмоции — плохой советчик.

Король стукнул ладонью по столу. Звук был глухим, неуверенным.

— Хватит. Мне не нужно ваше «нужна — не нужна». Мне нужно решить проблему.

Дэмиен Рон поднял голову. Голос его был тихим, но в тишине совета он прозвучал как нож о фарфор.

— Кузнец, — сказал казначей. Все повернулись к нему. — Тот, кто выжил.

Леонард повернул к нему взгляд. Медленно, оценивающе.

— Не стоит вмешивать гражданских в дела безопасности.

— Молчать, — отрезал король. — Пусть говорит.

Дэмиен сглотнул, поправил очки. Его пальцы дрожали, но голос стал твёрже.

— Мы скажем, что на Антайл напали вампиры. Это привычно. Люди слышат о таком часто. Они испугаются, но не впадут в панику. Не начнут шептаться о новой войне и о Кроатоне.

— И как нам заставить их поверить? — спросил король, прищурившись.

— Кузнец, — повторил Дэмиен. — Единственный свидетель. Мы устроим его в королевскую кузню. Дадим деньги. Тёплую крышу. И попросим вечерами говорить по трактирам, что это были вампиры. Слухи разойдутся быстро. А главное — совпадут с тем, что скажет корона. Официальный отчёт Ордена подтвердит его слова.

Ровэр скривился.

— То есть вы предлагаете лечить гниль духами. Залить ложью правду.

— Не духами, — тихо сказал Дэмиен, и его взгляд стал жёстким. — Границей страха. Вампиры для людей — беда привычная: локальная, понятная. Убили, утащили, исчезли — значит, охотники, патрули, награда за голову. Люди боятся, но живут дальше.

Он обвёл взглядом советников.

— А имя Кроатона — другое. Это не «очередной налёт». Это слово из тех, после которых в городах начинают говорить о войне. Паника поднимается быстрее любых докладов, и Сторонники войны получают то, что им нужно: толпу, которой легко показать, куда кричать. Они используют страх как оружие против короны.

Ровэр дёрнул щекой. Он понимал логику, но она ему претила.

— То есть вы предлагаете прикрыть провал короны сказкой, чтобы народ не зашевелился.

— Я предлагаю выиграть время, — спокойно сказал Дэмиен. — Время сейчас дороже честности. Честность мёртвых не воскресит.

— Время для чего? — резко спросил Ровэр. — Для того, чтобы он пришёл снова? Чтобы вырезал ещё одну деревню?

Дэмиен выдержал взгляд. Его глаза за стёклами очков были холодными.

— Время, чтобы понять, как владыка оказался внутри деревни. Время, чтобы Орден и Охрана не метались по стране, туша панику, а искали причину. Если мы объявим Кроатона — страна начнёт «отвечать» ещё до того, как поймёт, куда бить. Сторонники войны возьмут это за знамя, и тогда вы уже не их будете искать — они будут искать вас.

Леонард посмотрел на короля. Его лицо было непроницаемым.

— Это ложь. Но ложь, которая удержит страну от паники. Я поддержу. Орден возьмёт на себя ответственность за версию с вампирами.

Король оглядел стол. Его взгляд скользнул по лицам, ища поддержки, ища кого-то, кто скажет, что это неправильно. Но все молчали. Тишина стусилась, стала тяжёлой, вязкой. Даже свет в витражах будто потускнел.

— Кто ещё за?

Подняли руки почти все. Болентис перекрестился. Натаниель кивнул. Дэмиен поднял руку первым.

Ровэр оставил свою руку на столе. Он смотрел на Леонарда. Старый жнец смотрел в ответ. В этом взгляде было что-то, что Ровэр не мог понять. Не расчёт. Не страх. Тяжёлое, осознанное принятие цены.

— Тогда решено, — сказал король, и в его голосе прозвучало облегчение. Слишком большое облегчение для человека, который только что согласился на ложь.

— Дэмиен, займись кузнецом. Леонард, подготовь официальную версию. Ровэр... ищи Сторонников войны. И молись, чтобы нам не пришлось говорить правду.

Из архивов Службы Охраны Государства

Сторонники войны Организация впервые упомянута в хрониках 1261 года. Её сторонники уверены, что только тотальная война может покончить с демонической угрозой. Они обвиняют власть в слабости и призывают к свержению короля, мечтая о лидере, способном мобилизовать общество для решающей битвы. Сеть отличается строгой иерархией, но попытки задержать рядовых участников не дали результатов: они не знают тех, кто управляет ими из тени. Источники финансирования и личности руководителей остаются неизвестными.

Глава 2: Человечность

Ночь в деревне Митиск была не тишиной — она была отсутствием жизни. Тьма стояла между домами, как холодная, застоявшаяся вода, и даже ветер, проходя сквозь перекошенные двери и щели в стенах, звучал не бодро, а осторожно, будто боялся потревожить что-то, что лучше не будить.

Чёрный жнец ехал верхом на своём могучем коне и чувствовал это ещё до того, как увидел первые крыши. Маршрутная карта выводила его к Митиску сразу после Антайла, но тревога в груди поднялась раньше, чем деревня стала различимой в мраке. Не та тревога, что приходит перед боем — к ней он привык, она была холодной и чёткой. Эта была другой: вязкой, липкой, почти личной, как дурное воспоминание, которое само всплывает на поверхность, когда его не звали.

Он въехал на главную улицу и увидел пустоту. Ни огонька в окнах. Ни голоса в переулках. Только тёмные провалы окон, как будто дома смотрели внутрь себя и не хотели смотреть наружу, стыдясь того, что хранят внутри.

Фелдар остановил коня, спрыгнул на землю. Сапоги глухо ступили на пыль. Под подошвой хрустнуло что-то сухое. Он посмотрел вниз — кость. Маленькая, птичья.

И почти сразу взгляд уперся в трупы. Их было всего несколько — не так, как в Антайле. Но каждый лежал так, словно жизнь из него вырвали одним движением, не обсуждая и не торгуясь. Одна женщина — лицом вниз, с руками, вытянутыми вперёд, будто она ползла и почти доползла до спасения, но пальцы застыли в дюйме от цели. Мужчина — на спине, с широко распахнутыми глазами, в которых уже не было ни страха, ни просьбы, только застывшая пустота.

Фелдар медленно вдохнул. Воздух пах сыростью, пылью и чем-то ещё — знакомым, холодным. Запах демонической слизи. Сладковато-едкий, въедающийся в ноздри, оставляющий на языке металлический привкус.

Тени у края улицы дрогнули. Из темноты начали выходить Кошмары — низкие, покрытые чёрными шипами, быстрые и почти бесшумные. Они двигались не как звери и не как люди: не делая лишнего, не показывая злости. Просто шли брать своё, как привычное дело, как работа.

Конь встал на дыбы, рванул узду и убежал. Фелдар не отступил ни на шаг. Рука легла на рукоять за спиной. Он вытащил две одноручные косы. Лязг металла прозвучал сухо, отрезая путь назад. В тусклом лунном свете сталь не блеснула — она будто впитала свет и отдала его обратно тонкой холодной линией. Эти косы были его гордостью и его смыслом. Оружие жнецов не требовало ни святой воды, ни святой пыли: оно было сильнее обычных клинков охотников и с самого начала создавалось так, чтобы рубить демонов тьмы без «подготовки». Сталь пела, когда он снимал их с креплений.

Он шагнул навстречу, и бой начался.

Первый Кошмар бросился низко, на ноги. Фелдар ушёл в сторону, пропуская пасть мимо, и рубанул поперёк шеи. Хрящ хрустнул, сухо и коротко. Голова слетела. Тело пробежало ещё шаг — и рухнуло, дёрнувшись, будто всё ещё пыталось понять, куда делась ночь.

Второй и третий пришли вместе. Он закрутился, как вихрь: один клинок — вниз, другой — вверх. Лезвия косы рассекали воздух с тяжёлым свистом. Шипастые тела разлетались в стороны, как скошенная трава, и чёрная кровь брызгала на землю, оставляя на пыли тёмные, густые пятна. В его движениях не было красоты — только точность. Только привычка доводить дело до конца.

С каждым поверженным Кошмаром внутри поднималось не облегчение, а злость. Не на этих тварей — на сам факт, что они существуют. На то, что где-то в мире снова плачут дети, снова кто-то не успел закрыть дверь.

Но демоны не утихали. Они лезли из темноты, будто ночь была норой, забитой шипами и пастями. Всё новые — и новые. Фелдар видел, как они растекаются по улицам, как шуршат по камням, как ищут живых.

Он понял: здесь их слишком много, чтобы стоять посреди улицы и рубить до изнеможения. Фелдар сорвал с пояса склянку со святой водой и бросил под ноги. Стекло хрустнуло. Он отскочил в сторону и метнул мешочек со святой пылью.

Вспышка света рванула наружу — ослепляющая, резкая, как дневной удар по глазам. Запах озона и горелой шерсти ударил в нос. Секунду казалось, что ночь разорвали ножом. Кошмары завизжали — звук был похож на скрежет металла — и попятились, шипя и жмурясь, как будто свет был не просто болью, а приказом отступить.

Фелдар рванул вдоль улицы, скользя между тенями, и увидел открытую дверь большого дома, похожего на таверну. Он влетел внутрь, не сбавляя хода, и в тот же миг какой-то мужчина в темноте хлопнул дверью, будто ставил последнюю доску на крышку гроба.

Внутри было тесно и душно. Лунный свет едва пробивался через окна, заколоченные грубыми досками. Запах пота, страха и старого алкоголя висел в воздухе густо, почти осязаемо. Стулья и столы были сдвинуты к центру, сбиты в баррикады, скреплены гвоздями и ремнями. Из углов доносились стоны и всхлипы.

Фелдар на секунду прикрыл глаза, пытаясь ровно выдохнуть. Он слышал, как за стенами шуршит ночь. Как шипы царапают дерево, ища щель. Так вот куда делись Кошмары из Антайла — пронеслось у него в голове.

С Ордена уже поступило распоряжение: ни он, ни Лана не должны разглашать никому то, что они знают о событиях в Антайле. Ни слова — не людям, не местным, не случайным свидетелям. Правда должна оставаться в тени.

Фелдар распахнул глаза и заговорил так, чтобы его услышали все. Голос прозвучал как удар колокола в тишине.

— Где охотник?!

— Вон там, — буркнул мужчина у двери. На лице у него была маска — грубая кожа, закрывающая нижнюю часть. — Похоже, он наделал в штаны.

Фелдар двинулся в указанную сторону. В углу, прижавшись к стене, сидели люди — женщины, старики, несколько мужчин. Между ними, обхватив колени, сидел охотник на демонов: голый торс, на нём только штаны Ордена. На лице — пот и слёзы, как у ребёнка. Рядом валялся нож, слишком короткий для боя.

Чёрный жнец схватил его двумя руками и одним рывком поднял, будто тот ничего не весил. Швырнул к стене — дерево дрогнуло. Охотник вскрикнул.

— Почему не было доклада по магической связи?! — прорычал Фелдар, ударяя кулаком в стену рядом с его лицом. Штукатурка осыпалась мелким дождём. — Тут полная деревня Кошмаров, а Орден даже не в курсе!

— Он тут развлекался с девкой, — бросил тот же мужчина в маске, не глядя в угол. — Разве это не очевидно? Обмундирование, видимо, оставил дома. Вместе с совестью.

Фелдар медленно повернул голову, а потом снова посмотрел на охотника — так, будто пытался понять, не шутит ли с ним судьба.

— Даже если это так, — сказал он и ударил охотника в солнечное сплетение. Тот согнулся, захрипел, ловя воздух. — Камень магической связи всегда должен быть при себе. Всегда. — Голос Фелдара был ровным, страшным. — Не будь я сегодня на патруле, что бы ты делал, идиот? В Митиск жнецы заглядывают не чаще, чем раз в полгода.

Охотник скорчился и, не сдержавшись, заплакал — уже не от боли, а от осознания того, что виноват.

— Я не думал... — всхлипнул он. — В том и беда, что ты не думал! — сорвался Фелдар. — Если мы выживем, тебя ждёт трибунал. Ты оставил пост. Не предупредил Орден. Ты оставил этих людей без помощи!

— Оставь его, — сказал мужчина в маске у входа. — Лучше подумаем, что нам делать дальше. Криком демонов не убьёшь.

Фелдар подошёл к нему ближе. Маски такого типа носили только агенты Службы Охраны Государства — когда нужно скрыть лицо и имя.

— Как к тебе обращаться? — спросил жнец.

— Ривз, — коротко ответил тот.

— А я...

— Фелдар, — перебил Ривз, будто не хотел тратить на это секунды. — Я в курсе. Чёрный жнец.

Фелдар кивнул, принимая это как факт.

— Ты сработал по системе оповещения? — спросил он.

— Да, — подтвердил Ривз. — Охотник — нет. Я заметил Кошмаров, примчался в деревню, не нашёл его на месте и согнал людей сюда. Но не все успели.

Фелдар бросил взгляд в зал, где в темноте шевелились человеческие силуэты, и стиснул зубы.

— Слава Лику Судьбы, что ты не оказался тупым идиотом, как некоторые, — сказал он, не пряча презрения, и снова посмотрел в угол. — Иначе жертв было бы куда больше.

— Похоже, Лик Судьбы действительно сегодня на нашей стороне, раз привёл жнеца в деревню в такой час, — сухо ответил Ривз. — Что будем делать?

Фелдар подошёл к окну и заглянул в щель между досками. Снаружи двигалась тьма — и в ней, еле различимые, ходили целые толпы Кошмаров, рыщущих в поисках новой добычи.

— У нас есть преимущество, — сказал жнец. — Они бесконтрольны.

— Что это значит? — спросил Ривз.

— Обычно Кошмары не обитают сами по себе, — ответил Фелдар. — Чаще всего ими управляет Сумрак. Разумный. Опасный. И тогда всё было бы хуже.

— Но почему эти демоны бесконтрольны? — не отступал Ривз.

Фелдар на мгновение замолчал, выбирая слово, которое было бы похоже на правду.

— Кто-то мог убить их предводителя, — сказал он. Или их просто выпустили, как собак с цепи.

Ривз кивнул, принимая объяснение. Не потому, что поверил — потому, что сейчас не время спорить.

— Нам нужно дождаться рассвета, — продолжил Фелдар. — При свете солнца их силы ослабевают.

— И что потом? — спросил Ривз.

Фелдар коротко усмехнулся.

— Потом я пойду и перебью их. Что ещё мне остаётся?

— Я пойду с тобой, — сказал Ривз, будто это было решено заранее.

— Нет, — отрезал жнец. — Демонов тьмы нельзя убить обычным мечом. А этот недоумок, — он кивнул в угол, — даже клинок из святой стали умудрился оставить дома. Их можно уничтожить только моими косами. И мне не нужен кто-то, кого придётся спасать.

Ривз посмотрел на оружие жнеца внимательнее.

— Интересные клинки. Наверняка неудобно в дуэли — против лат и длинного меча.

— Неудобно, — согласил Фелдар. — Но пробивать кожу демонов тьмы ими очень удобно. Для этого их и делали.

Из записей Ордена Священной Защиты

Система оповещения Разработана для быстрой реакции на нападения демонов. Суть её в следующем: на определённом расстоянии от городов и поселений дежурят люди из Службы Охраны Государства. Заметив приближающихся демонов, они на полном скаку мчатся в населённый пункт, к которому приписаны. Их главная задача — предупредить охотника на демонов, проживающего в поселении, о надвигающейся угрозе. В случае серьёзной опасности, с которой охотник не справится в одиночку, он обязан сообщить об этом в Орден по магической связи. Затем необходимо укрыть людей в безопасных убежищах и, при необходимости, ожидать подкрепления. Система показывает себя эффективно. Однако иногда её удаётся обходить вампирам, способным маскироваться под людей. Из-за этого случаются нападения на небольшие деревни, где, как правило, всего один охотник на демонов.

Кровавый рассвет

Сквозь щели в окнах начал пробиваться утренний свет, медленно выдавливая ночь из углов. Люди в таверне спали, прижавшись друг к другу, как будто могли согреться чужими плечами. Не спали только двое — Фелдар и Ривз.

Жнец сидел на колене и тщательно натирал кромку кос святым маслом. Делал это молча, сосредоточенно, будто готовил не металл, а себя самого. Масло пахло резко и чисто, перебивая запах страха.

Фелдар поднял голову и заметил мальчишку лет двенадцати. Тот не спал. Стоял у окна и смотрел в щель с широко открытыми глазами, не моргая, словно пытался разглядеть в ночи то, чего там уже нет.

— Тебе бы поспать, парень, — сказал Фелдар. Голос его был мягче, чем ночью.

— Я не могу, — дрожащим голосом ответил мальчик. — Я не вижу моих родителей.

Ривз тяжело выдохнул, будто эта фраза ударила его по ребрам.

— Они не успели добежать до укрытия? — спросил Фелдар тише.

— Не успели... — прошептал мальчик.

Фелдар поднялся, закинул косы за спину и подошёл к нему. Встал рядом, у окна.

— Как тебя зовут?

— Миша.

Фелдар смотрел в щель и видел только улицу, по которой ходили шипы и пасти. И вдруг понял, что слова, которые он сейчас скажет, останутся с этим ребёнком надолго. Может — навсегда.

— Прости, Миша, — произнёс он и положил руку мальчику на плечо. — Скорее всего, их уже нет в живых.

Миша всхлипнул и заплакал — тихо, без истерики, как плачут те, у кого внутри всё уже обвалилось. Фелдар не отвёл руку.

— Мне было почти столько же, — сказал он, глядя куда-то мимо окна. — Когда моих родителей убили демоны огня. Я долго не мог прийти в себя. Потом меня забрал Орден. Там меня научили держать меч и держать себя. И это... дало мне смысл.

— Дяденька жнец... — спросил Миша, захлёбываясь слезами. — А за что они нас убивают? Что мы им сделали?

Фелдар медленно выдохнул.

— Не знаю, — ответил он честно. — И не хочу знать. Мне достаточно видеть то, что они делают. Я хочу одно: уничтожить всех демонов и освободить людей от этого.

— Вы правда всех убьёте? — спросил Миша с надеждой, которая была почти больше слёз.

— Да. Обязательно, — кивнул Фелдар. — Но ты тоже можешь помочь. Если хочешь, я попрошу, чтобы за тобой приехали из Ордена. Тебя примут, научат. И ты сможешь почтить память родителей не только слезами.

Миша кивнул — коротко, словно ухватился за единственную доску в реке.

— Иди к людям, — сказал Фелдар и слегка похлопал его по плечу. — Мне нужно разобратся с этими демонами.

Мальчик вернулся к спящим и сел рядом, всё ещё всхлипывая, но уже тише.

Ривз подошёл к жнецу.

— Решил заняться вербовкой? — спросил он без издёвки, просто констатируя.

— Это не вербовка, — ответил Фелдар. — Это шанс. Когда-то мне самому его дали.

— Помощь точно не нужна? — спросил Ривз.

— Ты и так сделал достаточно, — сказал жнец. — Теперь мой черёд.

Фелдар встал у двери, будто встал у границы между живыми и мертвыми. Достал косы. Закрыл глаза. Сделал глубокий вдох — короткий, как перед прыжком. Он кивнул Ривзу.

Ривз распахнул дверь. Жнец вышел на улицу — и утро встретило его не светом, а шорохом. Кошмары заметили его сразу и сорвались с мест, как стая. Они не знали, что сегодня охотятся на того, кто сам охотится.

Фелдар двигался быстро, удерживая дистанцию, не давая им зайти с тыла. Он рубил и отходил, рубил и снова уходил в сторону, не позволяя окружить себя. Кромка кос входила в шеи, и головы летели на землю. Чёрная кровь брызгала на дорогу, на траву, на сапоги, и запах её был тяжёлым, как дым.

Во время одного из разворотов он краем глаза заметил: из щели окна на него смотрит Миша. На секунду всё вокруг распалось на два мира. Один — нынешний, с шипами и пастями. Другой — тот, где он сам был мальчишкой и смотрел на огонь.

Перед глазами вспыхнули воспоминания: пылающие дома, сожжённые тела родителей и демоны огня, с которыми доблестно сражался Бурый жнец. Именно тогда Фелдар понял, что хочет стать сильнее — чтобы уничтожить этих чудовищ.

И вдруг, как нож в чужом месте, в сознании возник образ Ланы: её голубые глаза, её алые волосы, её голос. Не вовремя. Не к месту. Почему я сейчас думаю о ней? Фелдар стиснул зубы и ударил сильнее, будто мог вырубить мысль вместе с демоном. Сделка на крови... судьба... Он не любил думать о таком. Не любил сомневаться, где его желание, а где чужая нить. Но сейчас нить тянулась, и он чувствовал это, как чувствуют занозу под кожей. Тепло в груди пульсировало в такт её дыханию, где бы она ни была. Ему нужно было вырвать её — или хотя бы научиться не обращать внимания.

Кровавый бой продолжался. Один удар следовал за другим. Чёрная кровь расплёскивалась по земле, окрашивая всё в мрачный цвет. Силы Фелдара уходили, но остановиться он не мог. «Азazelь. Кроатон. Мефистофель», — прошептал он себе, повторяя имена владык, как молитву наоборот. «Я сотру вас в пыль».

Ярость поднялась внутри, и он на мгновение стал не жнецом, а гневом — гневом всех людей, которым снова и снова приходится платить кровью за право дышать.

Наконец последний Кошмар рухнул, сражённый. Улица была усыпана телами. Брызги чёрной крови блестели на траве и дороге. Фелдар стоял, тяжело дыша. Руки дрожали не от усталости — от того, сколько в них было сдержанного.

Дверь таверны распахнулась. Люди начали выходить наружу медленно, осторожно, как будто боялись, что всё это — ловушка. Одна женщина, увидев бойню, потеряла сознание. Кто-то закрыл рот рукой, чтобы не закричать. И только Миша смотрел на жнеца с восхищением — так, будто уже принял решение.

— Спасибо, жнец, — сказал Ривз, выходя последним. — Ты спас сегодня многих. День прожил не зря.

Он окинул взглядом поле битвы и хмыкнул:

— Не врут, когда говорят, что жнец стоит десятка охотников. Не думал, что человек способен на такое.

Люди, пришедшие в себя, заговорили почти хором:

— Спасибо... Спасибо, жнец... Мы не забудем...

Фелдар моргнул несколько раз, будто возвращаясь в тело. Он посмотрел на свои руки, испачканные чёрной кровью. Она не смывалась легко.

— Это моя работа, — сказал он, и голос прозвучал глухо. — Для меня честь сражаться во имя людей.

Исчезнувшие люди

Вечерело. Небо над западными землями окрашивалось в цвет грязной меди, когда Фелдар, неспешно приближаясь к Родвигу на своём чёрном коне, размышлял о следующем пункте маршрутной карты. После доклада и короткого, тревожного отдыха в Митиске жнец сразу же отправился дальше — глубже на запад, туда, где камень в земле стоил дороже человеческой жизни.

Родвиг раскинулся у подножия горы Алмазов, как её величали местные. На деле там добывали не только алмазы — всё, что блестит, всё, что можно вставить в кольцо и продать в столицу. Часть камня уходила в королевскую казну, но куда больше — в карманы торговцев и чиновников. Богатство города было видно издалека: не по вывескам, а по тому, как много света они могли позволить себе по вечерам. Огни Родвига горели так ярко, что казалось, будто город пытается спорить с звёздами.

Безопасность в Родвиге считалась образцовой. Город мог содержать целый отряд охотников на демонов. Ирония была в том, что отряду почти нечем было заниматься: после Второй войны нападения на крупные города почти прекратились. В деревни — да, в малые поселения — да. А здесь охотники чаще держали в руках перо, чем меч.

И всё же работу им находили.

Мэр Родвига щедро платил охотникам и часто поручал им «городские» задачи: подавление беспорядков, надзор за стражей, давление на тех, кто слишком громко спорит на площади. А главное — слежку за людьми Ровэра. Мэр относился к Охране Государства с настороженностью, словно видел в них шпионов столицы, и превратил охотников Ордена в своих личных доносчиков. И те, судя по слухам, не видели в этом ничего постыдного: за хорошую монету честь меняется тише, чем плащ на крючке.

Фелдар прошёл через главные ворота без задержки. Стражники даже не потребовали документов — чёрные доспехи жнеца были пропуском везде. Несмотря на поздний час, жизнь в Родвиге не стихала: люди спешили, смеялись, пили, слушали уличных музыкантов. Каменные дорожки были ровными, дома — ухоженными, фасады — чистыми, вымытыми до блеска. Город был богат — и самодоволен. Он смотрел на мир сверху вниз, с высоты своей горы.

— Добрый вечер, — раздался голос позади жнеца. — Мы ждали вас немного раньше.

Фелдар обернулся. Перед ним стоял красиво одетый мужчина с ухоженной бородой и улыбкой, слишком хорошо отрепетированной для простой вежливости. Его камзол был сшит из ткани, которая стоила больше, чем годовое жалование охотника.

— Задержался в пути, — ответил жнец. Он даже не стал спрашивать, откуда те знали о его приезде: в крупных городах о прибытии жнеца часто узнают заранее — по системе оповещения и слухам, которые бегут быстрее коня.

— Понимаю. Дела государственной важности, — мужчина слегка наклонил голову. — В любом случае, ваше жилище готово. Мы выделили вам дом на центральной улице, чтобы было удобнее перемещаться по вашим делам.

— Я уже и забыл о гостеприимстве Родвига, — усмехнулся Фелдар, и в усмешке не было тепла. — Хотя в прошлый раз мне не выделяли целый дом.

— Мэр Иодан Иосиф очень ценит работу Ордена Священной Защиты, — ответил мужчина с той же застывшей улыбкой. — Поэтому старается предоставлять наиболее комфортные условия его представителям.

Фелдар хмыкнул про себя. Ценит... или покупает? Он чувствовал тяжесть золота в этом предложении. Золото всегда имеет цену.

— Проводите, — сказал он вслух, поправляя поводья.

— Разумеется. А пока мы идём, я расскажу вам немного о городе.

Они свернули на широкую улицу. Камень под ногами был сухим и чистым, даже воздух пах иначе — не дымом и гнилью, как в бедных местах, а чем-то сладковатым и дорогим. Пряностями, вином и воском.

— Здесь храм Лика Ангела, — сообщил сопровождающий, указывая на высокий фасад, увенчанный статуей крылатого воина. — Знаю, что воины Ордена больше держатся веры в Лик Судьбы, но вы можете зайти внутрь и насладиться архитектурой. Такого храма нет ни в одном городе Единого государства.

Фелдар бросил взгляд на стену храма — и увидел то, что большинство бы списало на кошачий коготь: короткий, аккуратный след на камне. Жнец уже понял, чей это был «коготь». Он просто не подал виду, словно камень был слишком гладким, чтобы удержать взгляд.

— А здесь — лучший трактир в городе. Непременно зайдите. Поверьте, так вы больше нигде не отдохнёте.

Мужчина говорил дальше — о рынках, о стражниках, о благотворительных трапезах — но Фелдар почти не слушал. Он уже работал: смотрел на лица, на взгляд стражи, на то, как люди расступаются, когда видят чёрные доспехи.

Никто не любит, когда в город приезжает жнец. Жнец — это не праздник. Жнец — это проверка. Жнец — это тот, кто будет докладывать обо всём в столицу. Жнецов в городах чаще воспринимают как ревизоров, а не как тех, кто защищает их от тьмы.

— Вот мы и пришли, — сказал сопровождающий, показывая на большой двухэтажный дом с красивым фасадом и садом, где даже зимой цвели какие-то цветы.

— Иодан Иосиф слишком щедр, — усмехнулся Фелдар, слезая с коня.

— Щедрость — одна из его добродетелей. Вам уже приготовили ванну и ужин. Утром принесут завтрак.

— Спасибо. Я отмечу гостеприимство в отчёте, — сухо сказал жнец.

— И ещё одно, — будто невзначай вспомнил мужчина, уже разворачиваясь уйти. — Если у вас найдётся свободная минутка утром, не могли бы вы зайти к мэру? Он очень хочет с вами поговорить. Его дом по соседству.

— Пусть завтрак несут сразу к нему, — ответил Фелдар с натянутой улыбкой. — За едой и обсудим дела.

— Как пожелаете.

Мужчина ушёл, очевидно — докладывать. Его шаги стихли быстро, бесшумно.

Фелдар вошёл в дом. Внутри всё было красивым и слишком дорогим: мебель из красного дерева, стол, уставленный едой, которую он не заказывал, картины со сражениями Первой войны, где герои выглядели слишком чистыми для битвы. На втором этаже стояла огромная кровать — такая, что на ней действительно могли бы разместиться трое. Жнец прекрасно понимал намёк. Просто решил пока не отвечать. Тишина в доме была давящей, словно стены слушали каждый его вдох.

Из архивов Службы Охраны Государства

Маршрутная карта жнецов В мирное время основная задача жнецов — патрулирование Единого государства. Каждому жнецу выдаётся маршрутная карта, действительная на один календарный год, где указан порядок городов и поселений, которые он обязан посетить. Составление маршрутов — привилегия главы Ордена Священной Защиты. Сами маршруты — государственная тайна. Однако в крупных городах о прибытии жнеца часто известно заранее. Как правило, агенты Охраны Государства, работающие на местах, передают предупреждения через доверенных людей и письма по голубиной почте, если замечают, что жнец направляется в сторону какого-либо города.

Встреча с мэром

Кошмары.

Фелдар не смог насладиться сном даже на такой роскошной кровати. Перина была мягкой, как облако, но ему казалось, что он лежит на камнях. Всю ночь ему снилась Лана — и то, как она умирает у него на руках в Антайле. Но сон был искажён: её глаза были красными, а кожа холодной, как у трупа. Он пытался спасти её, но руки проходили сквозь неё, словно она была призраком. Это было странно; раньше жнеца не мучили такие сны. Он списал бы всё на усталость, на кровь, на ночь — но в глубине понимал: после сделки на крови он уже не может быть уверен, что это только его сознание. Нить тянулась.

Раздался стук в дверь. Резкий, требовательный. Фелдар сполз с кровати, накинул нательное бельё и открыл. На пороге стоял тот же сопровождающий. Лицо его было непроницаемым.

— Господин жнец, завтрак готов, — сказал он с уважением, которое казалось бронёй. — Дайте пару минут. Я оденусь.

Спустя некоторое время Фелдар вышел на улицу, облачённый в чёрные доспехи из святой стали. Косы за спиной тихо звякнули. Дом мэра был действительно по соседству — огромный особняк, больше похожий на крепость.

Внутри было не менее роскошно. Посреди комнаты — большой стол из полированного дуба. За ним сидел мэр Родвига. На нём был халат из дорогой ткани, расшитый золотыми нитями, на пальцах — перстни с камнями, которые ловили свет свечей. Возраст сделал его полнее, но не сломал. В нём чувствовалась та харизма, которой люди оправдывают чужую власть. Он выглядел как человек, который привык, что мир прогибается под него.

— Иодан Иосиф, — слегка поклонился Фелдар.

— Что вы, — улыбнулся мэр, поднимаясь. — Просто Иосиф. Присаживайтесь. Не стесняйтесь.

Стол ломился от еды: каши, фрукты, мясные нарезки, несколько видов чая, вино в графинах. Запах был таким густым, что перехватывало дыхание.

— Я вижу, вы ценитель искусства, — сказал Фелдар, окинув взглядом картины со сражениями. Те же, что и в его доме. Типовая роскошь.

— Я пережил Вторую войну, — ответил Иосиф, наливая чай. Рука его не дрожала. — Участвовал в большинстве значимых сражений. Я сражался бок о бок с Орденом, поэтому очень ценю охотников. Я ещё застал время, когда состав жнецов был совсем другой.

— Много изменилось, — заметил Фелдар, садясь. Стул скрипнул.

— Да. И вот парадокс: жить стало спокойнее... но сложнее, — мэр рассмеялся коротко, без радости. Звук был похож на лай. — Раньше было понятно, кто враг. Демон приходил из тьмы, и ты рубил его. Сейчас враг прячется внутри. Подбивает единство. Шепчет в уши.

— Вы про Сторонников войны? — уточнил жнец, беря чашку. Чай был горячим, но не согревал.

— Да! — Иосиф стукнул кулаком по столу. Посуда звякнула. — Большинство этих юнцов не видели войны, но мечтают развязать новую! Они кричат о крови, не зная, что это такое.

— Проблема серьёзная, — вежливо перебил Фелдар, отставляя чашку. — Но Сторонниками занимается Охрана Государства. Жнецы отвечают за демонов.

— Разумеется, — опомнился мэр, вытирая пальцы салфеткой. — и здесь есть проблема, достойная вашего уровня. Проблема, от которой зависит безопасность города.

— Что случилось?

— Уже несколько месяцев у нас бесследно пропадают люди. Стража разводит руками, охотники считают, что это не их дело.

— Расследование — зона Охраны Государства, — сказал Фелдар.

— Да к чёрту эту Охрану! — вспыхнул Иосиф, и маска любезности треснула. — Они бродят, вынюхивают, и никто не знает, чем они занимаются! Я могу говорить только с их командиром, а сколько их тут — понятия не имею! Они словно тени.

— В этом смысл их работы, — сухо ответил жнец. — Они работают на столицу. На короля.

— А толку? У меня пропадают люди, и никто этим не занимается! — мэр наклонился ближе. Его дыхание пахло мятой и вином. — Я думаю, человек вашего уровня мог бы разобраться. Жнец видит то, что скрыто от обычных глаз.

— С чего вы взяли, что люди пропадают? — спросил Фелдар. — Может, уехали?

— Мне приходят письма от жителей. От матерей, от жён.

— И они настолько вас волнуют? — Фелдар смотрел ему в глаза. — Обычно мэров волнуют налоги, а не пропавшие горожане.

Иосиф опустил глаза. Впервые за разговор он выглядел не как властитель, а как отец.

— Признаться честно... я сам не придавал этому значения. Пока...

— Пока что? — голос Фелдара стал тише.

— Пока не пропала моя дочь.

Фелдар почувствовал, как что-то неприятно шевельнулось внутри. Холодный ком подкатил к горлу. Когда исчезает «бедняк», город находит оправдание. Когда исчезает «дочь мэра», оправдания заканчиваются.

— Как давно? — спросил он.

— Уже два дня я её не видел, — ответил Иосиф. Голос его дрогнул. — Она никогда не уходила надолго. Все вещи здесь. Платья, книги. Я приказал стражникам найти её — но её нет. Словно испарилась.

Фелдар помолчал. В голове всплыло лицо Миши из Митиска. Родители погибли. Здесь дочь пропала.

— Ладно. Я это проверю, — сказал он наконец. — Но не обещаю результатов.

Лицо мэра сразу изменилось. Облегчение сменилось жадной надеждой.

— Спасибо, Чёрный жнец. Больше не смею отвлекать. Вы сделаете больше, чем вся стража.

Фелдар встал, не доев.

— Ах да, — остановил его мэр у порога. — У моей дочери на шее татуировка в виде огня. Маленькая, под волосами. Вдруг это поможет опознать... если найдёте.

Фелдар кивнул и вышел. Дверь закрылась за ним с тяжёлым стуком.

Из устава Ордена Священной Защиты

Коррупция — одна из самых серьёзных угроз существованию Ордена. Многие местные властители готовы подкупить прибывшего жнеца, чтобы получить выгодный доклад и замолчать проблемы. Подарки, услуги, деньги — всё это считается попыткой влияния. Жнец, уличённый в коррупции, приговаривается к смертной казни.

Изучение обстановки

Солнечное утро заливало камень Родвига светом настолько ярким, что хотелось щуриться. Белые фасады домов блестели, словно их вымыли молоком. Посреди главной улицы уверенной походкой шагал «жнец» в чёрных доспехах. Люди расступались, кланяясь низко. Девушки улыбались, пряча лица за веерами. Дети показывали пальцем, шепча друг другу: «Вот он, убийца демонов!» Стража у ворот делала вид, что работает, выпрямляя спины и громче лязгая оружием.

Никто не смотрел на тени.

Тем временем настоящий Фелдар стоял в пустом переулке между жилыми домами, там, где солнце не доставало до земли. На нём была простая льняная рубаша, потёртые штаны и плащ цвета пыли. На вид он почти не отличался от горожанина, разве что осанка выдавала в нём воина. Он не хотел привлекать внимание — жнецу нужно было встретиться со связным Охраны Государства и понять, чем дышит город, пока город смотрит не на него, а на «витрину».

Он приказал одному из охотников Родвига надеть его доспехи и прогуляться по маршруту. Тот был подходящего роста и с чёрными волосами.

Связной был в каждом городе. Это человек из Охраны Государства, который работает с жнецами. Никто, даже Орден, не знает, сколько людей Ровэра находится в каждом городе, и кто они. Это может быть торговец, бедняк, стражник, лекарь — любой. Орден защищает людей от внешних угроз, а люди Ровэра — от внутренних.

— Неплохо, — раздался голос за спиной. Тихий, словно ветер в щели. — Нарядить кого-то в свои доспехи и отправить гулять по городу. Хоть кто-то из вас понимает в конспирации.

Фелдар обернулся резко. Перед ним стоял на вид обычный лекарь. Сумка с травами, пятна зелий на фартуке, спокойные глаза человека, видевшего много крови, но не от мечей.

— Вы забыли представиться, — сказал жнец. Голос был низким, чтобы не разносился по переулку.

— Можешь звать меня Алан, — улыбнулся «лекарь». Улыбка была профессиональной, не достигала глаз. — Хоть Терезой. Это не имеет значения. Как тебе город, господин жнец? Успел насладиться щедростью нашего мэра?

— Не нужно со мной заигрывать, — отрезал Фелдар. — Это была деловая встреча. Он хочет, чтобы я нашёл его дочь.

— Он говорил о пропаже людей? — спросил Алан, перебирая сухие стебли в сумке.

— Считаешь, он бредит? — Фелдар внимательно смотрел на выход из переулка.

— Нет, — спокойно ответил Алан. — Мы давно заметили проблему. Цифры растут. Медленно, но верно.

— Если заметили — почему не действуете? — вспыхнул жнец.

— Мы действуем, — ровно сказал Алан, и в его голосе прозвучала сталь. — Но прежде чем поднимать панику, мы обязаны подтвердить факты. Люди пропадают повсюду, и не всегда это демоны или работорговля. Иногда это бегство. Иногда — долги. Мы работаем аккуратно. Люди должны жить, не чувствуя, что у них за спиной вечно висит нож.

— То есть ты бы и не стал мне об этом рассказывать, — перебил Фелдар. — Если бы не дочь мэра.

Алан улыбнулся — без радости. Сухо.

— Да. Только если бы мы были уверены, что дело демоническое. Но тут оборот интереснее.

— В смысле?

— В прямом. Похитители действовали осторожно: брали бедных, одиноких, бродяг. Никто не поднимет шум. Всегда можно сказать: спился, свалился в канаву, ушёл в поисках работы. Но не с дочерью мэра.

Фелдар молчал, обдумывая. Солнце пекло спину, даже в тени было душно.

— Она исчезла как раз перед твоим приездом, — продолжил Алан, понизив голос. — Я не верю, что столь осторожные люди вдруг решили привлечь к себе столько внимания. Кто-то хотел, чтобы ты в это влез. Чтобы дело стало громким. Чтобы жнец начал копать.

— И кому это нужно? — Фелдар почувствовал холодок. *Кто-то знал о моём маршруте.*

— Это нам и предстоит выяснить. Этот «кто-то» знал о пропажах и знал о твоём приезде.

— Думаешь, утечка у тебя? — спросил он.

— Вряд ли, — ответил Алан. — Маршруты жнецов — не наша компетенция. Мы узнаём о вас максимум за день или за пару часов до приезда.

— Что предлагаешь?

— Раз ты уже в курсе — используй это. Мы свою работу ведём, но ты можешь проверить демоническую сторону и поговорить с охотниками. С работоторговлей у нас пока нет зацепок. Если узнаешь что-то — нарисуй белый круг мелом на углу вон того здания. — Алан кивнул на старый склад с облупленной штукатуркой. — Вечером, в этот же день, когда ты нарисуешь, я буду ждать тебя здесь.

— Договорились, — сказал Фелдар.

Из регламента патруля жнецов

Самое первое, что должен сделать жнец, прибыв в город или крупное поселение, — встретиться со связным. Места встреч указаны в маршрутной карте. Жнец обязан хранить в тайне личность связного и его истинную профессию. Разглашение информации карается смертной казнью через повешение. Связной имеет право прервать контакт в любой момент, если сочтёт ситуацию компрометирующей.

Охотница

Прежде чем заслушивать доклады охотников, Фелдар решил пройтись по городу и посмотреть на него без доспеха. Времени было достаточно: дублёр в латах вернётся только через час. А являться к охотникам в городской одежде было нельзя — они должны чувствовать рядом с собой не «человека», а должность. Страх перед жнецом — лучший инструмент контроля.

Рынок шумел, как всегда: запахи спелых фруктов и протухшей рыбы смешивались в густой воздух. Крики торговцев перекрывали лязг монет, ругань воришек тонула в ленивых взглядах стражи. Жизнь кипела, равнодушная к тьме за стенами.

И среди этой толпы Фелдар заметил охотницу Ордена. Она стояла отдельно, будто воздух вокруг неё был плотнее, будто ей всё здесь не нравилось. Или будто она чувствовала запах чего-то, чего не чувствовали другие. На ней была кольчуга, потёртая на плечах и локтях, пояс с потускневшими пряжками и отсеками под зелья и святую воду. Одноручный меч и кинжал в потёртых кожаных ножнах. Но Фелдар смотрел не на клинки.

Лицо у неё было милым, но не кукольным: чуть заострённые скулы, прямой нос, губы без румян, естественные, с лёгкой трещинкой в уголке от ветра и дороги. Зелёные глаза смотрели прямо, без притворства, с той самой живой, не отполированной ясностью, которую он редко встречал в городах. Каштановые волосы, собранные просто, без лент и шпилек, падали на плечи тяжёлыми, слегка выющимися прядями. Без косметики. Ухоженная — но не наряженная. В городе, где женщины красились даже для похода за хлебом, где лица прятались за слоями пудры и сурьмы, это выглядело не просто вызовом. Это выглядело как правда. И Фелдар поймал себя на том, что задержал взгляд. Не на доспехах. Не на мече. На ней самой. На том, как она дышит. Как стоит. Как не пытается понравиться. В мире, где всё продаётся, покупается или маскируется, её простота была точно в нерв. Тихо. Без предупреждения.

Странно, подумал Фелдар. *Странно, что я вообще это отметил.*

Он поймал себя на том, что сравнивает её с Ланой — и от этого сравнения внутри стало тесно, словно невидимая нить дёрнула его за сердце.

Охотница заметила его взгляд. Не отвела глаза, как сделали бы другие, а пошла навстречу. Шаг уверенный, рука недалеко от рукояти.

— Добрый день, — сказала она. Голос звонкий, без страха. — С какой целью вы прибыли в город?

Фелдар улыбнулся так, как улыбаются людям, которых не собираются пускать в настоящие мысли. Уголки губ дрогнули, глаза остались холодными.

— И вам доброго дня. На самом деле я здесь живу. Родвиг — мой дом.

— Я вас здесь никогда не видела, — холодно ответила девушка. Она остановилась в шаге, преграждая путь. — Вы не из этого города.

Фелдар сыграл раздражение — чисто, убедительно. Он вложил в голос обиду маленького человека, которого прижали сапогом власти.

— Как это не из этого? Я послушник в храме Лика Ангела. Моя мать — уважаемая женщина, всю жизнь в шахте наравне с мужчинами. Отец погиб на войне с демонами, кормить семью некому. А теперь я должен терпеть допросы нахлебников Ордена посреди улицы? Я буду жаловаться! Я напишу самому мэру!

Девушка смутилась. Она ожидала сопротивления, но не такого. Она опустила взгляд, рука отошла от меча.

— Извините. Вы можете идти. Ошибка вышла.

Фелдар ушёл, не оглядываясь. Он смешался с толпой, но в голове осталась короткая мысль, холодная и чёткая: «Такая внимательная... и такая глупая».

Доклады охотников

Вернувшись домой, Фелдар обнаружил, что его доспехи аккуратно сложены на стуле у двери. Чёрная сталь тускло поблёскивала, напоминая сброшенную кожу хищника. В доме стояла тяжёлая, ватная тишина, пропитанная запахом остывшего воска, дорогой древесины и чего-то неуловимо городского — пылью, специями, чужой суетой, которая так и не успела просочиться за стены. Скоро должен был прийти на доклад командир группы охотников Родвига — Робэн.

Когда в дверь раздался громкий стук, жнец уже сидел за столом. Стул напротив пустовал. На столе стоял кувшин с водой и один кубок. Символический выбор. Только один. Для гостя, которого ещё не было.

— Открыто!

Дверь распахнулась. Вошёл крупный рыжеволосый охотник. Небритая щетина, красные белки глаз, беглый взгляд — и взгляд этот всё равно на секунду прилип к кувшину воды. От него пахло перегаром и дешёвым табаком, запах въелся в ткань мундира, стал его второй кожей.

— Выпивал вчера? — спросил Фелдар. Голос был спокойным, но в комнате стало холоднее. Воздух сгустился, будто перед грозой.

Робэн кивнул, не пытаясь врать.

— Не знал, что жнец приедет. В выходной как бы и полагается расслабиться. Город спокоен.

— Демоны ведь по выходным не нападают, — холодно усмехнулся Фелдар. Усмешка не коснулась глаз.

— Они вообще не нападают, — ляпнул охотник, потянувшись к кубку. Пальцы были толстыми, в застарелых мозолях и следах засохшей смолы.

Фелдар посмотрел на него так, что воздух между ними стал плотным, вязким. Робэн замер с протянутой рукой. Вода в кувшине стояла неподвижно, но казалось, ещё секунда — и она замёрзнет.

— Я притворюсь, что не слышал, — сказал жнец и кивнул на стул. — Садись. Расскажи, как обстановка в городе. Попей воды.

Робэн уселся и первым делом жадно выпил. Вода потекла по подбородку, увлажняя щетину, сбивая хмельной жар. Он выдохнул, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Обстановка спокойная. Патрулируем каждый день. Проводим обработку святой водой — и лужи, и напитки, где можно. Чтобы выявлять вампиров-разведчиков. С момента последнего визита жнеца демонической активности не было. Чисто.

— Жалованье платят вовремя? — Фелдар барабанил пальцами по столу. Ритм был медленным, тяжёлым, как отсчёт времени до удара.

— Более чем, — усмехнулся Робэн, и в улыбке было что-то липкое. — В Родвиге к Ордену относятся с уважением. Мэр понимает важность профилактики.

Фелдар не стал говорить, что «уважение» часто выглядит как «покупка». Он лишь чуть сузил глаза, отмечая про себя каждый штрих: расслабленные плечи, уверенный тон, привычка считать себя хозяином положения.

— Тогда почему охотница допрашивает людей посреди рынка? — спросил он.

Робэн ударил ладонью по столу. Вода в кувшине дрогнула, плеснув на край.

— Кто посмел?! Хотя... Это, наверное, Тея. Новенькая.

— Не в первый раз?

— Ага... свалилась на голову плутовка. Дерзкая. Приказы выполнять не хочет. Вечно что-то вынюхивает. Говорит, люди пропадают, а мы бездельники. — Робэн махнул рукой, словно отгонял муху. — А я ей в голову не могу вбить: даже если правда — это не наша работа. Пусть Охрана занимается людьми, а мы — демонами. Разве я не прав?

— По уставу — прав, — кивнул Фелдар. — А по совести?

Робэн пожал плечами — и это плечо было тяжёлым, как у человека, который давно перестал верить в «совесть» как в инструмент выживания.

— Люди всегда пропадают, господин жнец. И устав гласит: не лезть. Не наше дело.

— А если связано с демонами? — Фелдар наклонился вперёд. Тень от его фигуры накрыла охотника, отрезая свет.

— Не связано, — уверенно ответил Робэн, но взгляд его метнулся в сторону, к пустой стене. — В городе нет демонов. В этом могу заверить. Чисто.

Фелдар задумался. Пока он действительно не чувствовал демонического присутствия. Если бы это были вампиры — тела бы нашли: вампиры пьют кровь, но не тащат мешками кости по лесам.

— Спасибо, — сказал жнец и протянул руку. — Можешь идти. И приведи её. Тею.

Робэн ушёл, тяжело ступая. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, отрезая комнату от гула города. Фелдар остался один. Но мысль о том, что Орден решил замять Кроатона, уже вгрызалась в сознание, не давая покоя.

Антайл. Деревня, где он родился. Он не помнил её улиц, не хранил в памяти лиц или запахов — Орден забрал его ребёнком, вытравив прошлое тренировками, уставами и сталью. Но это всё ещё было его начало. Его единственный якорь в мире, который принадлежал ему по праву рождения. И теперь этот якорь выжгли дотла, а Корона решила подменить пепел удобной сказкой. Сказать, что это вампиры. Сказать, что локальная беда. Сказать всё что угодно, лишь бы не признать: владыка тьмы прошёлся по их земле, и никто не смог его остановить.

Фелдар сжал кулаки так, что костяшки побелели, а ногти впились в ладонь. Это было не просто стирание фактов. Это было вырывание последнего куска его детства. Демон уничтожил всё, что связывало его с человеческим миром, и за это не последует ничего. Ни суда. Ни возмездия. Ни даже официального признания. Орден действовал в полсилы, оглядываясь на трон, на совет, на страх перед паникой. Они боялись войны больше, чем монстров. Они выбирали ложь, потому что правда требовала ответа. А отвечать было некому.

Он не разбирался в политических тонкостях. Не понимал, как в кабинетах взвешивают жизни на весах «стабильности» и «порядка». Но чувство было мерзким, тяжёлым, как привкус желчи, который не смыть водой и не заглушить вином. Оно оседало в груди холодным камнем, напоминая: в этом мире справедливость — не закон. А инструмент, который выдают только тем, кому выгодно его держать.

Стук в дверь раздался снова — и на этот раз он был слишком сильным для «хрупкой девчонки». Резкий, уверенный.

— Заходи!

Тея вошла — и замерла, узнав его. Зелёные глаза расширились. В них не было страха. Только узнавание.

— Ты.

— Я, — Фелдар улыбнулся. Его удивило, что она не сказала «вы». В её голосе не было субординации. Только человеческое, живое «ты».

— Садись, — сказал он и указал на стул. — Расскажешь, что это было утром.

Тея прошла внутрь и села, скрестив ноги. Взгляд её был злым, упрямым, как у загнанного в угол зверёнка, который не хочет отступать.

— Нет, это ты мне расскажи, — сказала она. — Что это было утром?

Фелдар не стал цепляться к субординации. Ему нужно было понять, кто она такая, а не «воспитать».

— Утром охотница на демонов допросила мирного жителя посреди рынка, — сказал он. — Зачем? Ты нарушила протокол.

— Эти уставы... отчёты... доклады... — Тея закатила глаза, и в этом движении было столько юношеского максимализма, что Фелдару стало больно. — Бесплезная трата времени. Мы слоняемся без дела, пока люди пропадают. Коллеги смеются: мол, я занимаюсь ерундой. А я хочу спасти людей. Хочу знать, куда они исчезают.

— Правила написаны кровью, — ответил Фелдар. Его голос стал тише, но тяжелее. — Мы следуем им не ради забавы. Без них мы делаем глупейшие ошибки.

— Я ещё и ошибки делаю? — усмехнулась Тея. Но в усмешке дрогнула неуверенность.

— Грубейшие, — подтвердил Фелдар. — Ты подошла без оснований. Прямо на рынке. Привлекла внимание. Я не просто так «угрожал жалобой». Обычный человек так бы и сделал: истерика, жалоба мэру, письмо в столицу. Ты бы ничего не доказала — и получила бы проблемы. Тебя бы просто убрали.

Он чуть наклонился вперёд.

— У тебя хорошая память на лица. Ты сразу вычислила, что я не отсюда. Но если бы я был преступником — я бы просто послал тебя. И ты всё равно ничего бы не узнала.

Тея опустила взгляд. Злость ушла, осталась упрямая искра.

— Я хотела как лучше.

— Благими намерениями... — Фелдар не договорил. Он видел в ней себя в юности. Тот же огонь. Та же вера, что правда сама пробьёт дорогу. — Расскажи лучше: ты что-то узнала?

— Узнать — нет. Но кое-что найти получилось.

— Что?

— Я покажу, — сказала Тея. В её голосе появилась уверенность. Твёрдая, как сталь на наковальне. — Вечером. За городом.

— Тогда с заходом солнца жду тебя у ворот, — кивнул Фелдар.

— Договорились, — Тея встала и направилась к двери. На пороге обернулась. Свет из коридора очертил её силуэт. — И... прости за утро. Жнец.

— Иди, — сказал Фелдар.

Дверь закрылась. В комнате снова воцарилась тишина. Но теперь она была другой. Не тяжёлой. Напряжённой. Как тетива перед выстрелом.

Из архивов Ордена Священной Защиты: Боевая подготовка жнецов

Вступая в ряды жнецов, охотник проходит дополнительную подготовку сроком от шести месяцев. Представитель Охраны Государства обучает их основам конспирации и оперативной работы. Учёные Ордена дают более глубокие знания демонологии и алхимии. Лучший фехтовальщик Единого государства обучает жнецов новым техникам ближнего боя. Кроме того, жнецы проходят курс этикета и развивают навыки речи: им приходится общаться с высшими сословиями. Подготовка жнеца включает ежедневные занятия с утра до вечера.

Несправедливый мир

До вечера ещё было время, поэтому Фелдар решил пройтись по улицам, но теперь уже в доспехах. Чёрная сталь сияла на солнце, словно поглощая свет и возвращая его обратно мрачным блеском. Ему слабо верилось, что в Родвиге совсем нет демонической активности. Вампирская разведка тут точно обитала — они любили богатые города. Просто они обычно очень хорошо скрывались. Судя по разговору с Робэном, ему это было не очень интересно. Вероятно, он даже знал, что вампиры здесь есть, но искать их сложно.

Тея хоть и казалась глуповатой в своих порывах, но её пыл и альтруизм подкупали. Желание помогать людям — это то, что их объединяло. Но может, она и не глупая вовсе? Просто это поведение на рынке было неуместным. Она будто не знала, как правильно взаимодействовать с людьми, где говорить, а где молчать. Думая о ней, жнец невольно для себя вспомнил её внешность. Зелёные глаза, живые, горячие. Красивая охотница. Что-то в ней есть.

Он шёл по центру города, и камень Родвига отвечал ему гулом. Улицы были вымыты, фасады домов украшены резьбой, которую не видели даже в столице. Солнце золотило купола храмов, и казалось, что сам свет любит этот город больше других.

Люди расступались перед ним. Это было не просто уважение — это был инстинкт. Когда идёт Жнец, толпа замолкает. Кто-то смотрел с благоговением, касаясь груди, где висели обереги. Кто-то — с надеждой, будто чёрные доспехи были щитом от любой беды. Но были и другие взгляды. Быстрые, скользкие, полные скрытого презрения. Торговцы, прячущие глаза. Стражники, сжимающие рукояти мечей чуть крепче, чем нужно. Они видели в нём не защитника, а проверяющего. Надзирателя, который может одним росчерком пера лишить их жалованья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.